

ПЕРЕПИСКА А. М. РЕМИЗОВА И Д. В. ФИЛОСΟΦОВА

Публикация Е. Р. Обатниной

В 1940 г., узнав о кончине Д. В. Философова, А. М. Ремизов дополнил очерк, написанный на основе материалов из старого семейного архива, — «Философов. Письмо родословное. 1793—1837»¹ — небольшим отступлением мемуарного характера: «Все мы знаем нашего Дмитрия Владимировича Философова (1872—1940). Когда мы жили в Вологде, Д. В. Философов по письму моему — прощению от неведомого — присылал „Мир искусства“. И все мы (П. Е. Щеголев, Б. В. Савинков), „сошедшие вкупе“ на Желвунцовской в долгие вечера картинку рассматривали, помяная добрым словом Философова. И первый мой визит в Петербурге вольным человеком (1904 г.) был в Басков переулочек к Философову. Потом Философов не раз пристраивал меня в Госуд<арственный> Контроль на службу — не выходило дело, все по моей оплошности. И многую еще во всяких делах житейских роль играл: и к доктору Н. Ф. Чигаеву водил меня в мою тяжкую, письма всякие писал за меня хлопотные по денежной части к людям, от которых зависело, а какие книги получал я от него в дар библиографические — сказки, сборники, хождения, какие на елку золотые яблоки и яйцо в светлый день...».²

Заочное знакомство начинающего писателя и уже авторитетного редактора и критика состоялось в 1903 г. В то время Ремизов отбывал ссылку в Вологде вместе с П. Е. Щеголевым, Н. А. Бердяевым, Б. В. Савинковым, А. В. Луначарским и другими будущими литературными и политическими знаменитостями. Хотя поначалу общение с Философовым (редактором литературного отдела «Мира искусства») и ограничивалось получением номеров журнала, некоторое время спустя Ремизов стал отправлять на имя критика свои первые произведения, написанные в жанре стихотворений в прозе. Впоследствии, в автобиографии 1912 г., написанной для «Русской литературы XX века», готовившейся под редакцией С. А. Венгерова, Ремизов, вспоминая свои первые литературные шаги, отметит: «Большую заботливость встретил я у Дмитрия Владимировича Философова: Философов мне и „Мир Искусства“ высылал в Вологду, Философов и письма мне о моем *Пруде* писал длинные».³ Действительно, Философов, не приняв не-

которые ремизовские сочинения в журнале «Мир искусства», проявил благожелательное внимание к роману «Пруд». Сочтя роман не свободным от «декадентства», критик нашел его весьма актуальным по умонастроению, обострявшему противостояние двух полюсов современности: общественность — индивидуализм. Спустя год, в начале лета 1904 г., состоялась и первая личная встреча. 5 июня в письме к С. П. Ремизовой-Довгелло Ремизов упомянет о Философове: «...„европеец”. Разговор о „Пруде”». ⁴

Получив в 1905 г. вид на жительство в Петербурге, Ремизов был принят на службу в журнал «Вопросы жизни» в качестве делопроизводителя и довольно быстро вошел в круг ведущих столичных литераторов. Первое из известных писем Философова к Ремизову этого времени относится к 27 марта 1905 г. Речь в нем идет о подготовке литературного вечера, организованного З. Н. Гиппиус и Философовым в доме Ю. П. Дягилевой и ее мужа П. Д. Паренсова, на котором Ремизову предстояло впервые выступить перед столичным литературным бомондом с чтением отрывков из романа «Пруд».

Осенью того же года начинающий писатель оказался в тяжелой ситуации, когда после закрытия «Вопросов жизни» остро встал вопрос о поисках новой работы. «Я был под негласным запрещением, — пояснял в мемуарах всю сложность собственной ситуации Ремизов: — меня никуда не принимали, в „толстых” благородных журналах имя мое было пугалом». ⁵ Д. В. Философов был одним из тех, кто пытался оказать писателю реальную помощь. В частности, он составил протекцию для поступления Ремизова на государственную службу, обеспечивавшую наблюдение за приходом, расходом и хранением капиталов правительственных учреждений. 25 ноября, накануне визита в Контроль, Ремизов записал в дневник: «Не гоюсь я на службу. Завтра с письмом Д. В. Философова в „Государственный Контроль”. В Контроле когда-то служил и Розанов. Невесело вспоминает: „Едешь бывало, на конке наверху. А Вл. С. Соловьев в коляске катит. Нет, вы этого никогда не поймете, никогда, никогда!»». Действительно, первый же визит чудаковатого литератора к предполагаемому начальству бесповоротно погубил все планы. Спустя два дня Ремизов удрученно констатировал печальный итог своей попытки стать государственным чиновником: «Конечно, зря. Звонил Философов: начальник на меня обиделся, а главное за папиросу». Далее он воспроизвел разговор с должностным лицом: «„Так вы на службу смотрите, как на средство к существованию?” „Да”. „А нам нужны чиновники”». ⁶ Значительно позже, возвращаясь к сюжету осени 1905 г., Ремизов вспоминал петербургские мытарства: «Управляющий Государственным Контролем Ратьков-Рожнов <Александр Николаевич>, жена его — сестра Философова <Зинаида Владимировна>, чего, кажется, проще, а ничего не вышло, только смех — передавался мой разговор с начальником канцелярии и как я папиросу закурил». ⁷

Отъезд Философова вместе с Мережковскими за границу в феврале 1906 г. не только не расстроил установившихся отношений, но в известной степени даже упрочил их. Ремизов в письмах информировал критика о петербургской жизни, а Философов, в свою очередь, делился с ним собственными критическими оценками. Эпистолярный диалог этого времени отражал взаимные стремления найти «общий язык» и перейти к серьезным

оценкам и доверительному разговору. Вместе с тем, находясь в самом центре интеллектуальной жизни начала века, Ремизов вовсе не стремился участвовать в битвах рождающихся литературных направлений, достаточно упрямо демонстрируя позицию особого извода. Его принципиальный субъективизм совершенно не встраивался в те общественные дискуссии, которые вспыхнули в 1905 г. в связи с выдвинутой в кругу символистов идеей «мистического анархизма», а к началу 1908-го привели к расколу этого, некогда единого, сообщества. В данном контексте очевидно, что Философов явно не совпадал с Ремизовым своим ярко выраженным общественным темпераментом. Проблема преодоления индивидуализма, которая для Г. Чулкова, Вяч. Иванова, А. Белого, Ф. Сологуба, М. Волошина стала темой творческого самоопределения, для Ремизова словно и не существовала, оставаясь предметом внешне-идеологических, но отнюдь не лично-экзистенциальных переживаний. На фоне разразившейся войны «с пеной на губах» (по выражению Нувеля) ремизовское самоощущение неизменно оставалось в пределах его собственного внутреннего мира, совершенно чуждого патетике разыгрываемых страстей. В письме к Философову начала 1908 г., по пунктам описывая события литературной жизни, Ремизов даже не пытался формулировать свою позицию по отношению к актуальным явлениям общественно-литературной жизни или же каким-то образом оправдывать участие в сборнике «Факелы», окончательно принимая на себя роль случайного в литературе человека. Спустя два года, отвечая на вопрос анкеты «Куда мы идем?», писатель открыто противопоставит любым рассуждениям на заданную тему собственное творчество: «Не умею я рассуждать. И все рассуждения дедушки Карамзина не направили меня, и статьи из газет не помогают, разве что Балда Балдович, — да где его нынче отыщешь Балду-то Балдовича, когда все всерьез? А потому на вопрос о России, — какая она такая Россия, чем живет и куда путь держит? — по-людски не берусь ответить. Могу только такую завитушку из жизни представить вроде притчи».⁸

Шутливое, абсурдистское восприятие жизни то и дело толкало Ремизова на мистификации и литературные эксперименты. Новаторским выступлением стала публикация в 1908 г. маленьких новелл, написанных в форме сновидений. Появление в печати необычного жанра, основанного на реальных переживаниях, принципиально соединяющих факты, имена, события действительности с неконтролируемым рассудком потоком сновиденной фантазии, вызывали противоречивые мнения. На фоне категорически отрицательных оценок инновационного литературного опыта Ремизова,⁹ мнение такого строгого и далекого от декадентской вычурности критика, как Д. В. Философов, звучало особо: «Есть своя логика в сонной чепухе. Чепуха, главным образом, в нелепой последовательности, в извращенной причинности. <...> Но что же скрывать? Мы все видим такие сны... даже наяву. <...> Сон на то и сон, чтобы быть нелепым. А вот то, что было до сна, то, что записано, как протокол, как самая что ни на есть правда, — вот это ужасно. В сне ты — да и никто — не ответственен, а просыпаясь, инстинктивно веришь, чтоходишь в мир разумной воли или столь же разумной необходимости. Но бывают времена, что эта *естественная* вера колеблется, а иной, *сверхъестественной*, нет. Реальный мир превращается в бес-

смыслицу, а за реальностью ничего нет, пустота. <...> Ремизов очень просто, а потому и глубоко, выражает скорбь современной души, тоску по „реальнейшей реальности“, как выразился бы Вячеслав Иванов». ¹⁰ Современники отмечали рассудочность и рационализм мышления Философова, ¹¹ тем не менее эти свойства не помешали ему проявить тонкое понимание неординарности ремизовского феномена.

Не случайно Философов стал одним из первых реальных героев в произведениях Ремизова. В ранних литературных снах писатель весьма прозрачно начальными буквами фамилий указывал на своих знакомых. Так, «старый приятель литератор Ф.» появляется в рассказе «Железный царь» (1911). А в эмиграции, уже не скрывая имена известных людей, писатель опубликует сновидение «Философов»:

«Они (все неизвестные, безликие, как мули*) пошли в одну сторону, а мы с Философовым в другую.

По дороге лежат все дохлые лягушки, вообще какая-то дрянь. Потом человек: человек пустой — внутренности вынуты. Философов поднял его и надул, как надувают вербных свинок.

И мы его взяли с собой.

— Лопнет, — сказал Философов, — бросим, а не лопнет, повесим на елку.

— А там снег — все в снегу». ¹²

Объединение с Философовым против «неизвестных» и «безликих» во многом могло объясняться той весомой поддержкой, которую критик оказал писателю, в конце 1900-х гг. неожиданно очутившемуся в ситуации литературного остракизма: «Несколько лет тому назад какой-то борзописец, прочитав одну из сказок Ремизова, обвинил его чуть ли не в плагиате. До чего надо быть невежественным, как мало надо любить сокровища народной словесности и современную русскую литературу, чтобы так грубо подойти к серьезной попытке Ремизова, к его стремлению восстановить связь между литературой „народной“ и „господской“. Пресловутый „плагиат“ сводится к благоговейному желанию, сохранив все особенности подлинной народной сказки, всю прелесть ее языка, выделить из нее существенное, важное, типичное. <...> Внимательное сличение сказок Ремизова с первоначальным их источником показывает, что о „плагиате“ могут говорить только абсолютные невежды. Прочтите маленькую, затерявшуюся в ончуковском сырье сказочку „Кушак“ <...> и сравните ее со сказкой Ремизова „Отчаянная“ <...> вы сразу поймете, как умело и глубоко, ни в чем не нарушая народного склада и тона, народной психологии, Ремизов обрабатывает сырой материал, от частного восходит к общему, дает определенный характер „отчаянной“ девушки, которая гадает, под Крещение, о своем суженом-ряженом». ¹³

В творчестве Ремизова с именем Д. В. Философова связано развитие еще одной новаторской формы повествования. По-видимому, при посредничестве критика писатель получил возможность исследовать часть архива, принадлежавшую обитателям родового имения Философовых — Загвоздья. Начало архивной работы пришлось на первые военные годы, когда и для Ремизова лично, и для русской общественности актуализирова-

* От франц. moule — мидия.

лась тема национального достоинства и исторической памяти. Дело собирательства и сохранения истории в лицах документах продолжилось и после революции, в годы тотального разрушения и попрания прошлого, когда, по выражению Философова, на улицах «пахло бойней».¹⁴ В итоге Ремизов, выражаясь современным архивным языком, «обработал» значительный корпус документов. По материалам фамильного архива обитателей Загвоздья Ремизовым были написаны три очерка. Как и все другие рассказы, впоследствии вошедшие в книгу «Россия в письменах» (Берлин, 1922. Т. 1), первоначально они публиковались в повременной петроградской печати и неизменно сопровождались общим для цикла названием — «Россия в письмах».

Очерк «Письмо географическое» был написан в 1916 г. и тогда же опубликован в сборнике «Пряник осиротевшим детям». Рассказ начинается с воспоминаний об учителе географии, мысли о котором возникают у автора в связи с сохранившимся среди бумаг Философовых рукописным конспектом учебника «Сокращенная география» 1780 г.: «А училась этой чудеснейшей географии, — объясняет Ремизов, — троюродная прабабушка нашего Дмитрия Владимировича Философова и кавалера обезьяньего знака профессора Евгения Васильевича Аничкова, Пелагея Алексеевна Барыкова, в замужестве Философова за инженер-капитаном Иларионом Никитичем Философовым...». «Бесподобная Полюшка», цитирует Ремизов одно из писем разобранного им архива, прожила жизнь «с детьми и родственниками в философском новолadoжском Загвоздье».

Однако в центре повествования — письмо брата Полюшки, Василия Алексеевич Барыкова, отправленное 5 ноября 1795 г. из Петербурга сестре и брату, в котором упоминаются «Анна Никитишна Философова, в замужестве Маклакова, сестра Илариона Никитича Философова, жившая с ним в Загвоздье. Степан Алексеевич Барыков, брат В. А., участник польского похода, Катерина Алексеевна, в замужестве Мельгунова, и Лизанька (Елизавета Алексеевна) — сестры В. А., Елизавет (Елизавета Федоровна) жена В. А., Афоничка и Пашенька — их дети. „Кукушки” — Наталья и Катерина Иларионовны Философовы, близнецы».¹⁵

Стремясь «представить <...> Россию» «по обрывышкам, по никому не нужным записям и полустертым надписям <...> из мелочей»,¹⁶ Ремизов создает эффект обратной перспективы, благодаря которому все далекое приближается и становится если не современным, то по крайней мере понятным и доступным. Текст, переданный в оригинальном написании (с характерными особенностями языковой культуры XVIII в.), начинает звучать живыми голосами. Имена этих безвестных людей с их заботами и, казалось бы, уже никому не интересным течением жизни сближаются с именами современников, которые упоминаются в рассказе столь же просто и непринужденно, как, например, Дмитрий Владимирович Философов, или Евгений Васильевич Аничков, или Ариадна Владимировна Тыркова — такими же участниками единого исторического хода жизни, как и Полюшка Барыкова и ее семья.

К аналогичному приему, объединяющему в общем документальном хронотопе людей из прошлого и их потомков, Ремизов прибегает и во втором очерке, написанном на материале архива Загвоздья, — «Расписной

сундук. Письмо елисаветинское», — который впервые появился в газете «Наш век» 28 июля 1918 г. Очерк начинается словами: «В новолодожском Загвоздьё в прихожей комнате Философовского дома долгие годы стоял расписной сундук. Про сундук знали одно, что хранится в нем дедовское добро, покойного еще Никиты Егоровича Философова, двоюродного прапрадеда нашего Дмитрия Владимировича Философова, — какая-то ве-тошь, которая никому не нужна. Сам Никита Егорович помер в 1779 году, сын его Илларион Никитич в конце 30-х, а внук — Алексей Илларионович в 1874-м. Подумайте, сколько за это время безвозвратно кануло, а сундук цел целехонек: как поставили, так и стоял».

Конечно, вещи Никиты Егоровича давно истлели, но сохранился ре-е-стр, который Ремизов подробно приводит в своем рассказе: «Записка, что в сундуке имеетца Никиты Егоровича...».¹⁷

Существовал и третий очерк, оставшийся неопубликованным, который был посвящен Философовым, населявшим имение Богдановское. Содержание этого текста можно реконструировать на основании письма Дмитрия Владимировича Философова от 11 (24) апреля 1918 г., в котором он сделал ряд пояснений, необходимых Ремизову для работы.

В послереволюционные годы Философов и Ремизов общались не часто, однако один памятный эпизод того времени, связанный с именем критика, писатель впоследствии выделит особо. В тяжелый и голодный 1919 год при «Доме Литераторов», в Совет которого входил и Философов, была организована столовая, где, по словам Ремизова, «все-таки можно было чего-то съесть, конечно, со „своим хлебом“». Однажды туда пришел В. П. Буренин — известный в прошлом критик газеты «Новое время» и п-сквилянт. До революции, пожалуй, не было литератора, принадлежавшего к модернистскому лагерю, который не имел бы счета к Буренину, однако общая тяжелая ситуация примиряла и давних литературных противников.

«Вышел Философов, — писал Ремизов, — и был очень взволнован <...>. Философов не дал Буренину слова сказать — я представляю, какие в таких случаях бывают слова (ведь все под мыслью: «прогонят!»). Нет, Философов его взял под руку и усадил к столу. И все мы, кто был тогда в столовой, все мы вытянулись. И душу как вымыло. И свет сгустился. <...> Буренин что-то говорил Философову, но той робости уже не было. <...> Вы представляете себе: Философов и Буренин: что может быть обиднее статей Буренина о Философове и Философов не уступал — дважды с угрозой врывался к нему. Не помню подробностей, но кажется, до мордобоя дело не дошло. И то слава богу.

И вот встреча.

О „мордобое“ я забыл, а про это „нельзя забыть“».¹⁸

До своего отъезда из России Д. В. Философов успел оказать Ремизову одну важную услугу. В 1919 г., благодаря Философову, сотруднику Публичной библиотеки, часть архива Ремизова оказалась в ее Рукописном отделе. Спустя почти полтора десятка лет этот факт неожиданно обнародовала «Вечерняя красная газета»:

«В рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина впервые разобран ряд литературных архивов. Большой интерес представляет обширный архив А. М. Ремизова, оставленный в библиотеке в

1919 году белоэмигрантом Философовым. Эта часть архива охватывает 1902—1912 годы (другая часть архива — 1912—1921 годы находится в Пушкинском доме). В документах Ремизова найдены интересные письма М. Горького, А. Блока, много писем Брюсова, Бальмонта, Мережковского, Гиппиус, Леонида Андреева и других представителей русской литературы начала века.

Среди архива Ремизова обнаружен и ряд материалов и документов *Зинаиды Гиппиус*, очевидно, спрятанный здесь тем же Философовым. В частности, найдены *черновики* письма о заговоре Корнилова, дающие данные об участии З. Гиппиус в Корниловском мятеже. Найдены и *дневники* З. Гиппиус.

В архиве З. Гиппиус, в свою очередь, обнаружены литературные материалы *Ропшина-Савинкова* <...>. В настоящее время, — сообщил нашему сотруднику тов. Г. Горбачев, работающий над вновь найденными материалами, — Публичная библиотека принимает меры к опубликованию наиболее интересных документов. Они будут опубликованы как в литературных журналах, так и отдельными сборниками. В будущем предполагается издание специальных научных бюллетеней библиотеки.

Надо указать, что на полках хранилищ рукописного отделения Публичной библиотеки находится еще много не разобранных архивов».¹⁹

По тем эпизодам, которые «нельзя забыть», ясно, что Философов навсегда остался для Ремизова примером высоконравственного, честного и искреннего человека. Казалось бы, и та особая роль, какую довелось сыграть Философову в личной и литературной судьбе Ремизова, и неизменный, исключительно дружеский характер их взаимоотношений должны были чуть ли не «автоматически» утвердить имя критика в списке старейших князей Обезьяньей Палаты. Однако этого не случилось, и о причинах подобного несовпадения сейчас можно строить только предположения.

«Что же такое был Философов? — после кончины критика задавался вопросом Ремизов. — У него было чувство долга, а это не валяется. Помню, в те еще времена, когда бунтовала Государственная дума он как-то „почтительно“ поехал в Павловск — предполагалась демонстрация на вокзале во время музыки. И еще у него была верность: это к Мережковским: жить с Мережковскими, а он уехал от матери с Баскова пер., и поселился в доме Мурузи, это уже подвиг. И терпел до Варшавы, т. е. до 1920 г. и тут что-то произошло, Мережковские со Злобиным уехал<и> в Париж, а он остался в Варшаве. Он был библиотекарем в Публичной библиотеке, любил книгу. Да, он был без лукавства и всякой „политики“, он был простой, а судьба его столкнула с такими, как Мережковские, потом Савинков. Какое разочарование и сколько огорчений!»²⁰

Знаменитая Обезьянья Великая и Вольная Палата вовлекла в свои ряды едва ли не весь петербургский, московский, а впоследствии берлинский и парижский литературный мир.²¹ Может показаться, что любые доброжелательные контакты с Ремизовым уже сами по себе обеспечивали тому или иному человеку почетный статус кавалера Обезвельволпала. Однако существовал особый разряд людей, связанных с писателем добрыми личными и творческими отношениями, которые, тем не менее, оказались вне «обезьяньего» сообщества. К таким «избранным» принадлежал и Д. В. Филосо-

фов. Обезвельволпал, как известно, был созданием творческой фантазии его автора, и вся игра основывалась на субъективных оценках людей и явлений. Обезьянье общество объединяло свободных в своем мировоззрении и творчестве людей. В основу замысла Ремизов изначально положил идею иронической контроверзы объективно существующим социальным связям.²² При этом амплитуда ремизовской иронии раскачивалась от простой маскарадной шутки и мистификации до политической сатиры. Нужно отметить и тот факт, что сатирический пафос Обезвельволпала никогда не соприкасался с вопросами веры и церкви.

Рожденная же знаменитым триумvirатом (Мережковский—Гиппиус—Философов) идея «новой церкви»,²³ не могла не восприниматься писателем как очевидное подавление личности. Мережковские, и прежде всего З. Н. Гиппиус, несмотря на внешне благополучный характер взаимоотношений, были для Ремизова людьми опасными, способными вторгнуться в его внутренний мир со своими законами. В конце жизни, в 1957 г., писатель определится в негативных оценках: «З. Н. Гиппиус, „новая церковь“, антропософы Штейнера хотели отделить меня от Серафимы Павловны. Духовно мелкие и нам чужое».²⁴ Хотя в начале 1920 гг. Философов фактически разорвал отношения с Мережковскими, тем не менее он буквально сразу же оказался под сильным влиянием Б. Савинкова, которого Ремизов также считал «роковым» для себя человеком. Объяснялось это прежде всего тем, что еще в Вологде Савинков стремился подтолкнуть С. П. Довгелло (на тот момент невесту Ремизова) к террористической борьбе с самодержавием.²⁵ «В его глазах люди разделялись на три разряда, — вспоминал Ремизов, — на тиранов, которых он призван истребить; на помощников и слуг, исполнителей его воли...».²⁶

Важно отметить, что в эмиграции Ремизов и Философов занимали диаметрально противоположные позиции в оценках будущности России. Первые несколько лет рефреном ремизовских произведений и выступлений в печати было возвращение на родину. Он полагал, что долг писателя-эмигранта не с пустыми руками вернуться домой.²⁷ Философов не питал каких-либо иллюзий по отношению к советской власти. Не осуждая, но и не одобряя позицию Ремизова, он писал: «К западной культуре Ремизов не подходит. Она ему мистически непонятна. И он хиреет, тянет его на родину, загаженную и заплеванную коммунистами. Тянет как раз в то время, когда оттуда высылают остатки интеллигенции, в том числе и А. А. <Ахматову>, о которой с такой любовью вспоминает Ремизов».²⁸ Идеал свободы в ее абсолютном выражении был одним из основных концептов придуманного Ремизовым обезьяньего сообщества. Вопреки актуальным политическим идеологиям, Обезвельволпал проповедовал «свободно выраженную анархию», однако существующую по своим «строгим правилам и выработанным формам, которым каждый подчиняется совершенно свободно».²⁹ Утвержденные в Обезьяньей Палате законы человеческого общения отрицали любую манипуляцию человека человеком — в дружбе, любви или в творчестве. Одним из страшных впечатлений собственной биографии писатель считал «все тягчайшие годы 1917—1921 — жгучая память и ответ как человек над человеком мудровать может».³⁰ По всей вероятности, образ внутренне свободной личности в восприятии Ремизова менее всего

соответствовал имени Философова, который навсегда так и остался в сознании писателя жертвой чужих насильственных «мудрований».

Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова, отложившаяся в архивах Российской национальной библиотеки (РНБ), Пушкинского Дома (ИРЛИ), Российской государственной библиотеки (РГБ) и коллекции Центра русской культуры (Амхерст-колледж, США), образует в общей сложности корпус из 43 писем. Эпистолярное общение отражено здесь далеко не в полном объеме, местонахождение недостающих писем в настоящее время неизвестно. Письма Философова к Ремизову: № 1—4 (ОР РНБ, ф. 634, № 249, л. 25, 26, 59, 63); № 5—10, 12—20, 22 (ОР РНБ, ф. 634, № 226, последовательность писем восстановлена в соответствии с хронологией); № 23 и 25 (ОР РНБ, ф. 124, № 4525 и № 4524); № 26—33, 35, 36 (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 220); № 37 (РО ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1661); № 43 (Амхерст, Архив А. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло, кор. 6, папка 36). Письма Ремизова к Философову: № 11 (Амхерст, Архив А. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло, кор. 6, папка 36); № 21 (ОР РГБ, карт. 20, № 47); № 24, 34, 38 (ОР РНБ, ф. 481, № 196); № 39—42 (ОР РНБ, ф. 481, № 197).

Публикуемые ниже письма воспроизводятся по автографам с сохранением особенностей авторской пунктуации, орфография приведена в соответствии с современными нормами.

¹ Очерк был включен во второй (неопубликованный) том книги «Россия в письменах». По наблюдениям А. д'Амелия, к работе над материалами архива Философовых Ремизов возвращался в 1930-е гг., а судя по заметкам на полях и между строчками, — и в более поздние годы. Личные воспоминания Ремизова, написанные на двенадцати листах крупного формата, переплетаются здесь с подлинными письмами Философовых. См.: *д'Амелия А.* Книга без конца: «Россия в письменах» // Алексей Ремизов: исследования и материалы. Pictroburgo; Salerno, 2003. С. 134—136. (Europa orientalis. 4).

² Цит. по: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. IX. С. 497.

³ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4. Плачужная канава. М., 2001. С. 459.

⁴ На вечерней заре // Europa Orientalis. 1990. IX. С. 249.

⁵ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. М., 2003. С. 207.

⁶ Там же. Т. 7. Ахру. М., 2002. С. 55.

⁷ Там же. Т. 10. С. 206.

⁸ Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусства: Сборник статей и ответов. М., 1910. С. 109.

⁹ Анонимную рецензию под названием «Макароны в плесательнице или рекорд бессмыслицы», в которой саркастически высмеивалось содержание ремизовского цикла снов «Под кровом ночи» (Золотое руно. 1908. № 5), см.: Биржевые ведомости. 1908. 29 июля. № 10629. С. 3. Анонимный отзыв на сборник Ремизова «Рассказы» (СПб., 1910), в котором резкой критике был подвержен цикл снов «Бедовая доля», см.: Биржевые ведомости. 1910. 14 апр. № 11663. С. 4.

¹⁰ Философов. Д. В. Старое и новое. М., 1912. С. 25—28. Статья «Сны (Ремизов)» была написана в 1910 г.

¹¹ Фрагменты воспоминаний В. Ф. Нувеля см. в статье Е. В. Виноградовой «Семья Философовых на страницах воспоминаний о С. П. Дягелеве В. Ф. Нувеля» (Философовские чтения: Сборник материалов первых Философовских чтений. Псков, 2005. С. 148—149).

¹² Звено. 1926. 26 окт. № 143. Этот сон является творческой переработкой сна, привидевшегося в ночь на пятницу с 22 на 23 октября 1909 г. женс писателя С. П. Ремизовой-Довгелло: «Пришла я к Мережковским. В передней стоят З. Н. Гиппиус, Философов, Татьяна Николаевна Гиппиус в шубах. З. Н. и Т. Н. пошли в одну сторону, а мы с Философовым в другую. Идем, а по дороге лежат вседохлые лягушки, вообще какая-то дрянь. Потом видим лежит мертвый че-

ловек: из него все внутренности вынуты и пустой он. А Философов взял этого пустого мертвца и надул воздухом, как надувают вербных свинок. И стал мертвый человек толстым — вот-вот лопнет. А мы пошли на бестужевские Курсы — Курсы стоят на берегу реки. А возле Курсов пароходы, а кругом снег лежит, все в снегу» (*Рутан А. Petersburg dreams // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin. Columbus, 1987. P. 88 (UCLA Slavic Studies. 16)*).

¹³ *Философов Д.* Возрождающийся Афанасьев // Речь. 1914. 27 янв. № 26. С. 2

¹⁴ Ср. рецензию Философова на печатную продукцию артели художников «Сегодня», где, в частности, была издана сказка Ремизова «Снежок»: «Когда я вижу эти пестренькие обложки, раскрашенные с любовью от руки, во мне просыпается не только жадность библиофила, который отлично понимает, что через короткое время эти книжечки превратятся в „редкость“, но и чувство радости: нежное, еще нежнее на улицах, где пахнет бойней...» (*Д. Ф. «Сегодня» // Наш век. 1918. 31 марта. № 62. С. 6*).

¹⁵ Цит. по: *Ремизов А.* Россия в письменах. М.; Берлин, 1922. Т. 1. С. 133.

¹⁶ *Ремизов А.* Бая. Начальное // Там же. С. 14.

¹⁷ В карточке Б. Л. Модзалевского (РО ИРЛИ) имеется карточка, составленная на «ветвь» рода Философовых: «Егор — Никита, помещик Загвоздья, Новоладожского уезда † 1779 — Илларион † 183... — Алексей † 1874», в которой в качестве источника информации указан рассказ Ремизова с ошибочными выходными данными источника публикации: «Совр<сменное> Слово. 26. VII. 1918, фельетон Ремизова».

¹⁸ *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. С. 223—224. Подразумевается эпизод, относящийся к весне 1899 г., когда после очередного «оглушительного лая» Буренина в адрес декадентов из «Мира искусства» «Дягилев и Философов посетили квартиру Буренина — отнюдь не для пасхальных поздравлений... Кратко объяснив вышедшему хозяину цель визита, Дягилев бывшим у него в руке цилиндром нанес ему по физиономии вразумляющий удар, а затем оба посетителя спокойно удалились под крики и ругань бесновавшегося на площадке лестницы Буренина» (*Лерцов П. П.* Литературные воспоминания 1890—1902 гг. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 224).

¹⁹ Новые документы из литературных архивов // Вечерняя красная газета. 1933. 5 февр. № 30. С. 3.

²⁰ *Рутан А. Petersburg dreams* P. 88. Запись, очевидно, относящаяся к началу 1940-х гг., прилагалась к пересказу сна С. П. Ремизовой-Довгелло о Философове (см. примеч. 12).

²¹ Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

²² Примером противоположного, серьезного, отношения к социуму может служить проект «Литературной Академии русского зарубежья», выдвинутый Д. Ф. Философовым в 1934 г. Всех эмигрантских писателей Философов предлагал разделить на три возрастные группы: «старших писателей» (куда должен был войти и Ремизов), «кандидатов» и «молодую поросль». Подробнее см.: Эмигрантская литературная академия // Числа. 1934. Кн. 10. С. 247—248.

²³ Подробнее об идее «новой церкви» см.: История «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «главного»: из «Дневников» Т. Н. Гиппиус 1906—1908 годов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов: Сборник статей и материалов. М., 2004. С. 391—455.

²⁴ Цит. по: *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 319.

²⁵ См.: На вечерней заре // *Europa Orientalis*. 1985. IV. С. 155—156.

²⁶ *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверсьн. М., 2000. С. 501. См. также: На вечерней заре // *Europa Orientalis*. 1985. IV. С. 155—156.

²⁷ Ср. письмо писателя к В. Н. Тукалевскому от 16 февраля 1922: «Нет, все-таки я никогда бы не уехал из России, если бы не была: последнюю зиму от малокровия и утомления головой маялся — света не видел. Или погибать, или временно уехать — —. Понемногу оправляюсь, а как укреплюсь, назад в Россию. Хочется мне не с пустыми руками домой вернуться...» (ГАРФ, ф. 577, оп. 1, № 48, л. 14).

²⁸ *Философов Д.* Обезьяний язык // За свободу. 1922. 1 окт. (Цит. по: *Тименчик Р.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Торонто, 2005. С. 648).

²⁹ «Донесение обезьяньего посла обезьяньей вельможе» (1919—1920) см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. Взвихренная Русь. М., 2000. С. 223—224.

³⁰ Инскрипт на книге «Крашенные рыла. Театр и книга» (см.: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 23).

1. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Фонтанка, 11

Ред<акция> журн<ала> «Мир Иск<усства>»¹

Милостивый Государь Алексей Михайлович.

Относительно Вашей рукописи о «Демоне» Врубеля,² пока определенно высказаться не могу. Не можете ли Вы оставить у нас рукопись еще на некоторое время?

Д. Философов.

28. III. 03.

¹ Сверху письма синим карандашом рукой Ремизова: «28 III 1903».

² Речь идет о стихотворении в прозе «Демон (к картине Врубеля)», написанном под впечатлением картины «Демон сидящий» (1890). Впервые Ремизов увидел ее в Москве на выставке «Мира искусства» 17 нояб. 1902 г., о чем написал П. Е. Щеголеву на следующий день: «...возвратился весь переполненный образом врублевского Демона <...>. Оригинально задумана картина, нос-то у демона курносотатый и цветы „первозданные“ в головах и у ног, а там, перед ним, не то утро в тумане, не то закат тлеющий» (Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902—1903) / Публ. А. М. Грачсвой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 158—159). Стихотворение, рукопись которого Ремизов отослал из Вологды Щеголеву 19 янв. 1903 г. с просьбой предложить его в журналы Москвы и Петербурга, при жизни писателя так и осталось неопубликованным. Беловой автограф, хранящийся в архиве Щеголева (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 69, л. 1—3), был опубликован А. В. Лавровым во вступительной статье к «Переписке А. М. Ремизова с В. Я. Брюсовым» (Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 142—143).

2. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

24 мая 1903 г.¹

Милостивый Государь Алексей Михайлович.

Вернувшись из заграницы, нашел Ваши два письма. Сейчас сделал распоряжение, чтобы Вам высылали номера журнала по *московскому* адресу, а пока поздравляю Вас с отъездом из Вологды.²

Преданный Вам

Д. Философов.

Высылаю Вам при сем под <так!> бандеролью две небольшие заметки о «Новом пути».³

¹ Письмо написано на бланке журнала «Мир искусства».

² Трехлетний срок ссылки, который начинающий писатель отбывал в Вологде за причастность к революционной деятельности (См.: *Грачева А. М.* Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность // Лица: Биографический альманах. 3. М.; СПб. С. 419—447), завершился 31 мая 1903 г. Перед тем как обосноваться в Херсоне, Ремизов собирался навестить родных в Москве и, в частности, своего дядю Н. А. Найденова — председателя Московского Биржевого

Комитета. Ср. письмо к П. Е. Щеголеву от 30 мая 1903 г.: «Завтра утром уезжаю, на день задержали „бумаги“. На Москву еду, потом, бог знает куда. Будете вспоминать, пишите на Биржу для А. М. Р.» (Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 1. С. 176).

³ Речь идет о заметках под названием «Новый Путь», напечатанных в разделе «Хроника» журнала «Мир искусства» (1903. № 2. С. 18—19; № 3. С. 25—26).

3. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

22. I. 1904.

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Стихи Ваши получил и очень за них благодарен.¹ Передал их на прочтение в «Новый Путь». Пойдут ли они туда или к нам;² и где именно пойдет <так!> — сообщу впоследствии.³

Журнал с удовольствием буду высылать, но прошу сообщить Ваш *московский адрес*.

Я его затерял.

Преданный Вам

Д. Философов.

Простите за долгое молчание. Много уж очень дела.

¹ Речь идет о поэме «В плену», беловой недатированный автограф которой сохранился: РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 68. Рукопись состоит из трех частей и полностью написана метризованной прозой. Текст предваряется эпиграфом «It is not, nor it cannot come to good; — / But break my heart, for I must hold my tongue! / Hamlet» («Нет в этом доброго и впредь не будет... / Но, сердце, разорвись: уста должны молчать!» — «Гамлет». Акт I, сцена 2. Пер. К. Р.) и завершается адресом, написанным красным карандашом и замазанным черным карандашом «Вологда. Желунцовская, 26 / Алексею Михайловичу Ремизову». Каждая часть поэмы содержит стихотворение-«зачин», первая часть включает 12 стихов, вторая — 8, третья — 18.

² Подразумевается «Мир искусства» (1899—1904), литературным отделом которого заведовал Д. В. Философов.

³ В 1902—1903 гг. Ремизов предлагал свой «тюремный свиток» в различные журналы, однако отзывы редакций были негативными, и «поэма» так и не увидела свет. Историю ее переработки в автобиографическую «повесть» и публикации последней см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 3. Оказион. С. 608—609.

4. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

7. V. 1904.

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Я так виноват перед Вами, что даже совестно извиняться. Но петербургская, журнально-чиновная жизнь, когда приходится быть и редактором, и секретарем, и корреспондентом, и чиновником, и театральным рецензентом, приводит в такое состояние «тупизма», как говорит один мой приятель, что трудно становится даже с чисто физической стороны написать толковое и разборчивое письмо.

1) «В плену» Вам возвращаю, ибо номер стихов по разным причинам вряд ли появится в свет.

2) Благодарю за присылку «Снега».¹

Прочел первую часть Вашего романа,² и очень им заинтересовался. Слышал, что Перцов Вам его вернул. Я бы его напечатал, и если мне пришлось бы стать официальным редактором «Нов<ого> Пути», я бы так или иначе его провел.³ В романе Вашем много пренебрежения пластикой, много нарочитого декадентства, которое, конечно, редакции пришлось <бы> при напечатании вытравлять. Но именно это несовершенство формы меня прельщает, потому <что> оно свидетельствует о *процессе*, а не об академическом *завершении*. Это завершение пугает меня, напр<имер>, в молодом беллетристе Зайцеве, из «Правды». А его рассказ<ы> так совершенны в литературн<ом>, внешнем отношении, что можно подумать, что их писал старик.⁴

Первая часть Вашего романа — кошмар жизни, из которого другого выхода, как религиозного, быть не может. Иначе безумие. Первая часть глубоко анарх<и>стична.

Анархизм теоретический — преддверие религии. Здесь род декадентства. Социалисты этого не понимают. Они *никогда* не избегнут упрека человека из подполья, который покажет им кукиш.⁵ Надо преодолеть, оформить хаос *самодовлеющих* индивидуалистов, а не *стадо* реформируемого человечества, т<о> е<сть> какого-то *choir á capon*⁶ прогресса. Как Вы решаете этот вопрос в Вашем романе — меня страшно интересует, и я убедительно прошу Вас, буде<т> возможно, прислать мне вторую часть, просто как знакомому. Теперь на всякий случай хотел бы знать вопрос о гонораре. «Нов<ый> Путь» так беден, что мы вынуждены были отклонить роман Сологуба, только потому, что он требовал громадный гонорар.⁷ Роман может напечататься безвозмездно. Просил бы на всякий случай частным образом, тот *минимум* гонорара, за который Вы нашли бы возможным уступить роман.

Преданный Вам

Д. Философов.

P. S. Пользуюсь случаем послать Вам несколько моих рецензий.⁸

¹ Подразумевается драма С. Пшибышевского «Снег», изданная в персводе С. Ремизовой и А. Ремизова московской театральной библиотекой В. А. Соколовой в 1903 г.

² Речь идет о романе «Пруд», первая редакция которого создавалась Ремизовым в годы волюгодской ссылки (1901—1903). Подробнес см. комм. к изд.: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 1. Пруд. С. 525—534.*

³ Редакцию религиозно-философского журнала «Новый Путь» с января 1903 по февраль 1904 г. возглавлял критик, публицист Петр Петрович Перцов (1868—1947). До июня он формально разделял должность соредактора с Д. В. Философовым, однако с седьмого номера Философов стал единственным редактором. Вместе с тем решающее слово в утверждении рукописи романа «Пруд» к печати принадлежало З. Н. Гиппиус. Ср. письмо Ремизова к жене от 6 июня 1904 г.: «В „Новом Пути” и так и сяк. Не хочет З. Н. Гиппиус, говорит, что это декадентство <...>. Философов видит единственный исход: мой личный разговор с ней» (На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и коммент. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1985. IV. С. 251). Секретарь «Нового пути» Г. Чулков в письме к Ремизову от 27 сентября 1904 г. так объяснял молодому писателю судьбу его рукописей: «Я думаю, что со

вступлением Бердяева к нам в редакцию Ваши дела будут лучше обстоять: одному мне трудно бороться с равнодушием к искусству Зинаиды Николаевны Гиппиус, тем более, что — вы знаете — приходится все силы и внимание на политику, дабы чего-нибудь не прошло несурзано. На днях добуду Ваши переводы и роман, которые находятся в Гатчине у Мережковских» (ОР РНБ, ф. 634, № 249, л. 71). Роман «Пруд» появился в печати в сменившем «Новый путь» журнале «Вопросы жизни» (1905. № 4/5—11).

⁴ В ежесемейном социал-демократическом журнале «Правда» были опубликованы рассказы Б. К. Зайцева «Мгла» (1904. № 2. С. 74—78) и «Сон» (1904. № 4. С. 18—22). Произведения писателя опубликовал и «Новый путь» (1904. № 7, 11, 12), возможно, благодаря дружеской поддержке секретаря издания Г. И. Чулкова.

⁵ Подразумеваются слова главного героя повести Достоевского «Записки из подполья»: «Всё если мне, например, когда-нибудь расчислят и докажут, что если я показал такому-то кукиш, так именно потому, что не мог не показать и что непременно таким-то пальцем должен был его показать, так что же тогда во мне *свободного-то* останется...» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 114).

⁶ Здесь: пушечное мясо (*франц.*).

⁷ Речь идет о романе Ф. Сологуба «Мелкий бес», отказ от публикации которого, как впоследствии объяснял П. П. Перцов в письме к Д. Е. Максиму в январе 1929 г., объяснялся не только экономическими причинами: «„Мелкий бес“ был забракован собственно мною, п<отому> ч<то> я считал рискованным для журнала помещение такой „эротической“ вещи, когда нас и без того подозревали во всех содомских грехах. Ведь тогда в литературе еще господствовала традиционная pruderie*, и только после 1905 г. последовало разрешение на все. А наше положение *религиозного* журнала было особенно щекотливым» (Цит. по: Павлова М. М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф. Мелкий бес. СПб., 2004. С. 740). Впервые роман был напечатан в «Вопросах жизни» (1905. № 6—11) с существенными купюрами.

⁸ Возможно, подразумеваются литературные отклики, которые выходили в «Новом пути». См.: *Философов Д.* Новый журнал «Весь», издание «Скорпиона» // Новый путь. 1904. № 1. С. 244—248; *Философов Д.* [Рец.] Сологуб Ф. Собрание стихов. — (М., 1904. Кн. 3, 4) // Новый путь. 1904. № 2. С. 210—215.

5. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

27. III <1>905

Дорогой Алексей Михайлович.

Не пожалуете ли Вы *сегодня*, от 4х до 5 к Мережковским?¹ Небольшой литер<атурный> вечер с благотворит<ельной> целью.² Сегодня по этому делу совещание, и Ваш голос был бы очень ценен.

Душевно Ваш Д. Философов.

Поручение Ваше исполним.

Семейству — привет.

¹ Знакомство Ремизова с Зинаидой Николаевной Гиппиус (1869—1945) и Дмитрием Сергеевичем Мережковским (1865—1941) состоялось 2 февраля 1905 г. в редакции журнала «Вопросы жизни». Его письмо к жене с описанием впечатлений от первой встречи с Мережковскими см.: *Ремизов А. М.* На вечерней заре // *Europa orientalis*. 1987. VI. С. 283—284.

² Речь идет о вечере в поддержку Ремизова, который был организован Гиппиус и Философовым в доме тетки Философова Ю. П. Дягилевой и ее мужа П. Д. Паренцова и состоялся в начале апреля 1905 г. Описание вечера см. в книге «Петербургский буерак» (*Ремизов А. М.* Собр.

* показная добродетель (*франц.*).

соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский бусрак. С. 261—262). Рассказ об этом событии содержат также воспоминания Вл. Пяста. Ср.: «На вечер в начале апреля 1905 года в квартире генерала Паренсова, у Спаса Преображения <...> А. М. Ремизов принимал участие чтением отрывков своего „Пруда“, потрясавших общество и содержанием, и еще больше — удивительно, полной эмоциональной выразительности манерою, в какой отрывки эти были прочтены» (Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 39). Р. Д. Тименчик, комментируя данный фрагмент, датирует вечер у Паренсовых 5 апреля (Там же. С. 272). Упоминание об этом событии встречается и в письме Ремизова к Н. В. Зарецкому от 15 октября 1929 г., в котором время действия явно ошибочно смещено на месяц назад: «...я познакомился с С. П. Дягилевым в 1905 г., 5 марта на литературном вечере у Паренсовых: это мое первое публичное выступление. Я читал из ненапечатанного еще „Пруда“, гл. 13 и 14. (Участвовали З. Н. Гиппиус, Ф. К. Сологуб, А. А. Блок, Леонид Семенов (Тяншанский) и Д. С. Мережковский). Слушатели (это все больше великосветские) были возмущены. За меня вступился С. П. Дягилев и Бакст. Я очень помню этот вечер (гл. 13 и 14 — самоубийство матери)» (Литературный архив Музея национальной литературы, Прага. Фонд Н. В. Зарецкого).

6. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

10 Апрель <1905?>

Дорогой Алексей Михайлович

Посылаю Вам на просмотр необходимые картинки.

Душевно Ваш Д. Философов.

7. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

18 июля 1905
с. Богдановское
станица Бежаницы
Псковской губернии

Дорогой Алексей Михайлович.

Спасибо Вам за присылку № 7го «Вопросов жизни». К сожалению, я вижу, что статья гр. Толстого, о которой я Вам говорил, в ней так!> не появилась.¹ Вместе с тем, Николой Александрович² мне официально сообщил, что она принята, и будет напечатана в июле, если цензор пропустит, Вы же мне сообщили, что цензор ее вернул без единой пометки и вручили мне даже оттиск (в гранках). Обо всем этом я поспешил сообщить автору — и вдруг такой пассаж! Будьте добры, известите, в чем дело. Я очутился в очень глупом положении.

В номере мне понравились очень Ваши стихи (Наташе)³ и статья Николой Александровича⁴ очень интересна. Чулков празднует слишком дешевую победу.⁵ Остального еще не прочел. Некогда было. Все у нас тут всеобщая, панихида, обедни, обеды, гости. Словом, суетолака.

Когда будете писать Серафиме Павловне скажите, что помним, не забываем, и вообще искренно расположены.⁶ Какие-то у нас с Вами установились бескорыстные хорошие отношения. Я ими очень дорожу.

Душевно Ваш Д. Философов.

¹ Вероятно, речь идет о статье Л. Н. Толстого «Великий грех», которая была опубликована в журнале «Русская мысль» (1905. Июль. С. 217—266).

² Философ Николай Александрович Бердяев (1874—1948) в 1905 г. возглавлял редакцию журнала «Вопросы жизни» вместе с С. Н. Булгаковым и Д. Е. Жуковским.

³ Речь идет о стихотворении Ремизова «Засни моя деточка милая!..» (Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 50—51), посвященном маленькой дочери писателя Наташе.

⁴ См.: Бердяев Н. А. К. Леонтьев — философ реакционной романтики // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 165—198.

⁵ Подразумевается статья Г. Чулкова «О мистическом анархизме» (Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 199—204), в которой индивидуализму символистов, объединившихся вокруг журнала «Весь», противопоставлялась идея «соборного творчества». Подробнее о позиции Чулкова и литературно-общественной полемике вокруг нее см.: Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весь»: К истории издания // Литературное наследие. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 286; Лавров А. В. «Золотое руно» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 156—165; Пайман А. История русского символизма. М., 1998. С. 259—265; 278.

⁶ В триумвирате З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский и Д. В. Философов особые симпатии к жене Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло испытывала Гиппиус, которая по старшинству взяла опеку над молодой семьей Ремизовых. Подробнее см.: Lampl H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener Slavistischer Almanach. 1978. Bd. I. S. 155—194. Ср. также письмо Д. С. Мережковского к Ремизову от 19 апреля 1905 г.: «Скажите Серафиме Павловне, что я ее люблю, но чуточку побаиваюсь, потому что я *очень грешен*, и это под ее глубоком и видящим взором как-то обнаруживается. Впрочем, надеюсь, это пройдет, т<о> е<сть> то, что я ее побаиваюсь — и тогда я еще больше, еще смелее ее полюблю. А вот Вас я совсем не боюсь. В вас много для меня родного недоумения» (ОР РНБ, ф. 634, № 37). Свособразной реакцией на это послание можно считать письмо Ремизова к жене от 20—21 апреля 1905 г.: «Не замечая и не любя тебя, не замечают самое высшее, что только есть в мире — „непорочность“, она светится из твоих глаз, твои детские глаза с их неколебимой правдой, перед которыми мучительно лгать. Люди высшего духа не пройдут мимо. И я говорю в мир — глазам „человека“ — я хочу быть с вами, а не с этой сворью — слепой, копошащейся в мелочах, с ее короткой меркой по своей ничтожной мере. И знаешь, кто мне подсказал? — Мережковские: Гиппиус своим богатым нутром поняла, а „истукан“ за ней повторил. Ты, мой бесценный ангел, хранитель мой!» (Ремизов А. М. На вечерней заре // Europa orientalis. 1990. IX. С. 446).

8. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

5 ноября 1905
21, Басков пер.

Дорогие мои Алексей Михайлович, Серафима Павловна.

Не думайте, что забыл о том, что обещал так или иначе помочь вам.¹

Нет дня, чтобы я не вспоминал об этом, и если я вас до сих пор не посетил, и вообще *чуть-чуть* избегал вас, то главным образом потому, что ваш один вид глодал мою совесть.

Алексей Михайлович, вы глубже понимаете эту психологию. Почему-то я чувствовал себя виноватым перед вами, хотя, по совести, я ни в чем перед вами не виноват.

Теперь, вот уже несколько дней, у меня есть возможность определить Алексея Михайловича в Контроль.²

Служба безобидная и чистая, занятий — часа четыре-пять в день, занятий нетрудных и для Алексея Мих<айловича> привычных.³ Во всяком случае, верный кусок хлеба и хорошее положение среди служащих. Для этого

необходимо, чтобы Алексей Михайлович на бумаге большого формата написал записку по следующему образцу:

Потомственный Почетный Гражданин, Алексей Михайлович Ремизов, ходатайствует о принятии его на государственную службу по ведомству государственного контроля. Образование получил тогда-то, с таким-то аттестатом.

Петербург. 6 ноября 1905 г.

Жительство имеет там-то.

Я в понедельник эту записку передам куда следует и почти убежден, что дело устроится. К сожалению не знаю, можно ли сразу получить личное жалование.

Так, жду записку в воскресенье.

Душевно вас любивший

Д. Философов.

¹ Речь идет о поиске нового места службы для Ремизова, необходимость в котором возникла в связи с прекращением издания журнала «Вопросы жизни», где начинающий писатель выполнял обязанности заведующего хозяйственной частью.

² Круг своих обязанностей в «Вопросах жизни» Ремизов описал в письме к жене от 5 февраля 1905 г.: «На моих руках касса, приходится очень тщательно проверять, и страшно. Все поставил на место и написал все книги — бухгалтерия. Вот никогда не думал сделаться заведующим хозяйственной частью. Моя бухгалтерия у Сегалья в Вологде (Часовой магазин) только развлечение, а тут большое дело: типография, бумага, гонорар, экспедиция» (Ремизов А. М. На вечерней заре // *Europa orientalis*. 1987. VI. С. 285).

9. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

<10 ноября 1905>¹

Дорогой Алексей Михайлович.

По-моему от Парамонова пока не стоит отказываться.² Ведь Вы не знаете, что Вам скажут в Контроле?

Может быть, место очистится через месяц или два? Тогда Парамонов Вам пригодится. Идите завтра к Парамонову, берите место. Затем идите в Контроль, и в зависимости от того, что Вам скажут в Контроле, мы с вами решим, что делать дальше.

Дорогую Серафиму Павловну целую искренно.

Ваш Д. Философов.

Четверг.

¹ Датируется по содержанию письма.

² Речь идет о попытке получить работу у крупного промышленника, мецената и издателя Николая Елпифидоровича Парамонова (1876—1952). Ср.: «...к Парамонову, на Сснную. Парамонов вроде здешнего фарфорщика Попова, а прием в конторе с семи утра; собирался мсня

куда-то в Персию послать, я обрадовался и заговорил о персидских газслях и сказках, но ничего не вышло» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 206).

10. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

21 Дек<абр> <19>07

Париж

3 янв<аря> <19>08

Дорогой Алексей Михайлович.

Кланяемся Вам и супруге Вашей Серафиме Павловне. А еще кланяемся дочери Вашей Наталии Алексеевне. И поздравляем Вас и семью Вашу с наступающим праздником Рождества Христова и с Новым тысяча девятьсот восьмым годом. Мы, слава Богу, здоровы, чего и вам желаем.

На днях получили Вашу книгу, «Пруд».¹ Очень Вы меня тронули лестной надписью. Порадовался я за Вас. Давно Вы мечтали об этом. Издана книга *прекрасно*. Отличный шрифт, и недурная обложка.² Самое слово «пруд» только написано по-моему неважно. Цена за такую книгу очень не дорогая, и бумага по этой цене очень приличная. У альманахов «Шиповника»³ бумага настолько плохая, что даже типографск<ая> краска не ложится. Что это за «Сириус»?⁴ Кто там действует?

Да, Алексей Михайлович. Давно мы не видались и много воды утекло. Весной рассчитываем вернуться, и тогда повидаемся. Вы нам покажете Ваши новые игрушки, слона или зайчика, и, наверное, расскажете что-нибудь новенькое.⁵

Вы пишете, что за порнографию скоро бить станут, и первого побьют Кузьмина <так!>, которого вам жалко. Бить вообще не следует, но порнография надоела.⁶ Именно порнография. Сладострастия в ней и помину нет. Я Кузьмина никогда не видел, и рад, что он, — по вашим словам, милый человек, но нравится мне его «благодушие». Уж очень он нормальный человек и слишком старый бытовик. Я его грешным делом «побил» в Декабрьской книжке «Русской Мысли».⁷

Тема его, по мне очень трагическая, а он ее заплывал, сделал повестью о том, как Петя уестествляет Мишу. Подставьте женский род вместо мужского — и выйдет преплоско и прескучно.⁸ А сам по себе он кажется человек талантливый. А что скажете об андреевской «Тьме»? Дрянь дрянью, а каюсь, прочел с интересом. А написано-то как плохо. И явный вместе с тем успех.⁹

Читали мы в газетах о Вашем «Действе».¹⁰ Читали и письмо в редакцию «Товарища».¹¹ Должен Вам признаться, что я вам как-то не доверяю. Уж очень Вы большой насмешник, любите народ дурачить.¹² Вообще «уродов» всяких обожаете. Так к ним и льнете. Не потому ли и Кузьмина возлюбили?

Язык у Вас хороший. Читал я «Посолонь» и «Лимонарь»¹³ и радовался языку. После соплявого размазывания Арцыбашева¹⁴ и Андреева отдынешь.

А что серьезнее все стали, так слава Богу. Уж очень много легкомыслия развелось. Слишком легко все «примирили» личность, пол, обществен-

ность, слишком много размахивали «тремя руками», как Чулков.¹⁵ О себе не знаю, что и сказать. Не напишешь всего.

Надо при свидании рассказать.

Ждем Бердяева, но его все нет и нет.¹⁶ Что Вячеслав?¹⁷ Что Федор Кузьмич?¹⁸ Вячеслава больше *читать не могу, физически* не могу. Начал было «Сон Мелампа» (Зол<отое> Р<уно> № 10) да плюнул. Черт с ним. Еще подлец такое примечание сделал, что черт ногу сломит.¹⁹ А «Навьи чары» нравятся.²⁰ Написано уж больно хорошо. Легкость какая-то приятная.

А только я бы таких романтических замков не строил. Поселил бы Тригорова в просторном доме. Было бы страшнее. А то выходит тургеневская сладость, точно «Песнь торжествующей любви». Боюсь, что дураком Вам покажусь, а только не понял я, откуда «тихие мальчишки»? Что, он их замутил; или просто себе «покойнички»?

Должно быть, я вообще никогда ничего в «искусстве» не понимал, а только надоели до смерти мне революционеры в публичных домах, «стилизированные» рассказы из всех времен, фальшивая откровенность и самообожание. Ну, «поиграли с говном да и за щеку».

Гениален Блок, Городецкий, Кузьмин, только уж слишком как-то скоро их гениальность раскусываешь. Не соблазняют как-то.

Ну, прощайте, дорогой Алексей Михайлович. Пишите, не забывайте, очень дорожу Вашими письмами.

Д. Философов.

Р. S. Портрет Ваш в «Зол<отом> Р<уне>» хорош.²¹ Показывали мы его тут одним Вашим знакомым добрым.²²

¹ Отдельным изданием и в новой редакции роман «Пруд» вышел в ноябре 1907 г. (на титульном листе книги: 1908 г.).

² Обложку к книжному изданию романа выполнил М. В. Добужинский — один из активных членов объединения «Мир искусства».

³ Альманахи издательства «Шиповник» издавались С. Ю. Копельманом и З. И. Гржебиным в 1907—1917 гг. См.: *Келдыш В. А.* Альманахи издательства «Шиповник» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. М., 1984. С. 257—294.

⁴ Подразумевается типография, выпустившая книжное издание «Пруда».

⁵ Коллекция игрушек являлась неизменной составляющей интересера рабочего кабинета писателя. В беседах со знакомыми и друзьями писатель охотно раскрывал истории происхождения каждого персонажа своей коллекции. Подробнее см.: *Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. 7 сент. № 243. С. 2; А. <Измайлов А.> В волшебном царстве. А. М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. № 44. С. 10—11; *Волошин М.* Алексей Ремизов. «Посолонь». Изд. «Золотого Руна». 1907 г. // Русь. 1907. 5 апр. № 95. С. 3; а также: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек») // Русская литература. 1997. № 1. С. 185—215.

⁶ Свое негативное отношение к теме пола, чрезвычайно актуальной для литературы 1900-х гг., Философов высказал, в частности, в статье «Разложение материализма», где, охарактеризовав М. Кузьмина как приверженца «мистического анархизма», он отнес его повесть «Крылья» к разряду «половой, социальной и религиозной порнографии» (Товарищ. 1907. 15 мая. № 266. С. 3).

⁷ Подразумевается статья «Весенний ветер» (Русская мысль. 1907. Декабрь. С. 104—128), в которой Философов, отмечая небывалую устремленность современной литературы в сферу «эротического», выделил среди увлеченных этой темой авторов «оптимистов» и «пессимистов». К представителям «полового оптимизма» он причислил и Кузьмина, мотивировав свое определение тем, что в повести «Крылья» (Весы. 1906. Ноябрь. № 11. С. 1—81) писатель свел

«трагедию пола, которая, казалось бы, именно в аномалии достигает особой остроты», «к невероятной банальности и плоскости»: «Герои Кузьмина полны незыблемого благополучия. Им в сущности ничего не нужно. <...> Казалось бы, после Достоевского, Льва Толстого, Розанова, этих истинно культурных деятелей, говорить о поле столь легкомысленно просто невозможно. Но Кузьмин ни над чем не задумывается. Даже свою тему, *которая, может быть, трагична по преимуществу*, он превратил в повесть о том, как легко и безмятежно блудодействуют аномальные люди» (Русская мысль. 1907. Декабрь. С. 120). Примечательно, что ремизовский «Пруд» Философов интерпретировал как пример «полового пессимизма» (Там же. С. 121).

⁸ Ср. пассаж из статьи «Весенний ветер», прямо перекрикающийся с письмом к Ремизову: «Забудьте о пикантности сюжета, взгляните на тему Кузьмина вне цензурных и бытовых предрассудков. Что нового внес в нее Кузьмин? Подставьте в текст Кузьмина женский род вместо мужского, и его литература превратится в типичную порнографию западного образца» (Там же. С. 119).

⁹ Философов, неизменно подвергавший творчество Л. Андреева безжалостной критике, откликнулся на повесть «Тьма», опубликованную в третьем альманахе издательства «Шиповник» за 1907 г., в статье «Без стиля»: «Облик же Андреева, как писателя, если так можно выразиться, в высшей степени неграмотный. Отсюда и банальный плоский язык. Такие антиязыки, как революция — и публичный дом, террорист — и публичная женщина, уже сами по себе отвратительного, банального стиля, и самый лучший язык не спас бы повести от первичного уродства ее наивно-хулиганского романтизма» (Московский еженедельник. 1908. 18 марта. № 12. С. 42).

¹⁰ Имеется в виду постановка пьесы Ремизова «Бесовское действо над неким мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть Прение Живота со Смертью», основанной на апокрифических сказаниях, в театре В. Ф. Комиссаржевской (режиссура Ф. Ф. Комиссаржевского, при участии А. П. Знона; декорации М. В. Добужинского; музыка М. А. Кузьмина). Премьера спектакля состоялась 4 декабря 1907 г. и прошла «под неустойчивый свист публики» (Ремизов А. Бесовское действо. Представление в трех действиях с прологом и эпилогом. Пб., 1919. С. 42). После премьеры последовал целый шквал печатных откликов, среди которых преобладали ругательные: см. рецензии Номо Novus'a <А. Р. Кутеля> (Русь. 1907. 6 дек. № 327. С. 5); А. А. Измайлова (Русское слово. 1907. 7 дек. № 281. С. 4); статью «Театральная хлыстовщина» Юр. Беляева (Новое время. 1907. 6 дек. № 11400. С. 5—6); стихотворную пародию А. А. Измайлова «Поток богатырь на „Бесовском действе”» (Биржевые ведомости. 1907. 9 дек. № 10244. С. 3); пародию, подписанную псевдонимом И. Г-ч, «Прение Живота со Смертью (Бесовское действо над здравым смыслом)» (Биржевые ведомости. 1907. 12 дек. № 11249. С. 4). О постановке пьесы см. также: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 251—253; Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 229—232.

¹¹ Началом полемики на страницах газеты «Товарищ» послужила рецензия Г. Чулкова, который обвинил цензуру в разрушительной правке текста «Бесовского действия», из-за чего пьеса утратила свой изначальный смысл и постановщики были вынуждены вместе с афишами раздать ее «краткое изложение»: «Нужно хорошо знать творчество Ремизова, чтобы за этим сокращенным диалогом разгадать замысел автора и увидеть его саркастическую улыбку» (Ч. Театр В. Ф. Комиссаржевской. «Бесовское действо над неким мужем, а также Прение Живота со Смертию» // Товарищ. 1907. 6 дек. № 442. С. 5). На это выступление последовало «Опровержение» анонимного представителя цензуры, в котором категорически отрицалось влияние цензуры на содержание самой пьесы и дотошно подсчитывалось количество подвергшихся сокращению строк (Товарищ. 1907. 11 дек. № 446. С. 5). Однако Чулков не остановился на этом и выступил с новым заявлением «По поводу пьесы Г. Ремизова», утверждая, что объяснения цензоров не снимают с них ответственности за искажение пьесы (Товарищ. 1907. 12 дек. № 447. С. 5). В этом же номере газеты появилось и ремизовское «Письмо в редакцию»: «М. Г. Редактор! В виду опровержения главного управления по делам печати по поводу заметки рецензента вашей уважаемой газеты считаю долгом дать следующее разъяснение. Действительно, количество строк, исключенных цензурою из представленного мною экземпляра, в общей сложности 4—5. Действительно, если глазом окинуть, пожалуй, и не заметишь; вот тоже, если у человека отрезать какой предмет: всего какой-нибудь язык или еще что, так, пожалуй, тоже не заметишь. От уничтожения, напр<имер>, „рясы” в „Бесовском действе”, где все действо вертится у монастырских стен, где главное рясы и т. д. Экземпляр для театра, который подавался в цензуру, в виду общих цензурных требований, выжимался в две руки жгутом и уж

в подсохшем виде сдан был. И рецензент прав, утверждая, что „Бесовское действо” шло в искажении независимо от автора сего. Прошу газеты перепечатать это мое разъяснение» (Там же). Впоследствии Чулков изменил собственную оценку этой истории: «Защищая драматические опыты символистов на столбцах газеты, я иногда делал промахи. Так, например, стараясь оправдать неудачную пьесу Ремизова „Бесовское действо”, я ссылаясь на цензурное искажение текста, поверив автору, который жаловался мне на цензурный комитет» (*Чулков Г. Годы странствий. М., 1930. С. 224—225.*)

¹² Ср.: «А. М. Ремизов вечно кого-нибудь мистифицировал, вечно выдумывал невероятные истории, интриговал ради интриги, шутил и ловко умел извлекать из людей и обстоятельств все, что ему нужно, прикидываясь иногда казанского сиротю» (*Чулков Г. Годы странствий. С. 170—171.*) Подробнее об истоках создаваемого Ремизовым собственного образа мистификатора шутника и чудака см.: *Обатнина Е. Царь Асыка и сего подданные. Обезьяня Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 136—147.*

¹³ Речь идет о сборниках Ремизова, написанных на основе переработок народных песен, обрядовых текстов и апокрифических сказаний: «Посолонь» (М.: Изд. журнала «Золотое Руно», 1907) и «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (СПб.: «Орь», 1907).

¹⁴ Подразумевается роман Михаила Пстровика Арцыбашева (1878—1927) «Санин» (Современный мир. 1907. № 1—5), который принес сего автору скандальную известность.

¹⁵ В начале 1906 г. критик *Георгий Иванович Чулков* (1879—1939) выпустил первую книгу альманаха «Факелы», а летом того же года книгу своих эстетико-философских эссе «О мистическом анархизме», которая сопровождалась вступительной статьей Вяч. Иванова «Идея неприятия мира и мистической анархизм». Эти издания, призванные, по мысли Чулкова, отразить реализацию новой идейной программы «мистического анархизма» в художественных произведениях и теоретических статьях, вызвали резкую критику со стороны писателей символистского лагеря, группировавшихся вокруг журнала «Весь», «Перевал» и «Золотое руно». Подробнее см.: *Лавров А. В. Максимов Д. Е. «Весь» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. С. 111—129.* См. отклики Философова на эту тему: «Мистический анархизм. Декадентство, общественность и мистический анархизм» (Золотое руно. 1906. № 10. С. 58—65) и «Дела домашние» (Товарищ. 1907. 23 сент. № 379. С. 3).

¹⁶ Н. А. Бердяев приехал в Париж в самом начале 1908 г.

¹⁷ Очевидно, Философова интересовала реакция *Вячеслава Ивановича Иванова* (1855—1949) на критические замечания по поводу «соборного индивидуализма», высказанные им в статье «Весенний ветер» (Русская мысль. 1907. Декабрь. № 12. С. 10).

¹⁸ Речь идет о *Федоре Сологубе* (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927), частым посетителем вечеров и чтений на квартире которого Ремизов был в 1905—1907 гг. См. книгу записей Ф. Сологуба «Литературные вечера и чтения (посещения). 1901—1907» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 81). Упоминание о посещениях дома Сологуба см. также в книге «Куха»: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. С. 48.*

¹⁹ Поэма Вяч. Иванова «Сон Мелампа», опубликованная в «Золотом руно» (1907. № 10. С. 31—35) с посвящением М. Волошину, сопровождалась авторскими примечаниями, раскрывавшими смысл положенной в основание поэмы метафизической концепции явлений, которые своим возникновением обязаны как «„потоку” причинности, воспринимаемому нами во временной последовательности движения из прошлого в будущее», так и «„встречного потока” причинности, нами непосредственно не познаваемого, но постулируемого, как движение из будущего в прошедшее» (С. 35). Впоследствии поэма была включена во вторую часть книги «Cog Ardens» (М.: Скорпион, 1912).

²⁰ Подразумевается трилогия Ф. Сологуба «Навыи чары» (впоследствии получившая название «Творимая легенда»), первая часть которой — «Творимая легенда» была напечатана в альманахе издательства «Шиповник» (СПб., 1907. Кн. 3. С. 189—305). Позднее Философов высказывался о романе Сологуба более критично, называя это произведение в статье «Без стиля» «обывательщиной тысяча-девятьсот-седьмого года» (Московский еженедельник. 1908. 18 марта. № 12. С. 45).

²¹ Портрет Ремизова работы Б. Кустодиева был опубликован в журнале «Золотое руно» (1907. № 7—8—9). Работа над полотном завершилась, по-видимому, поздней весной. О сеансах позирирования Ремизов писал художнику 10 апреля: «Многоуважаемый Борис Михайлович! Я <у>ж отвечал Вам, потому что все эти дни я сижу вечерами дома и во всякий час готов сидеть, не моргая. Жду Вас в четверг» (ГРМ, ф. 26, № 34, л. 3).

11. А. М. Ремизов — Д. В. Filosoфoву

22 I / 4 II 1908.

М<алый> Казачий пер. 9, кв. 34.

Дорогой Дмитрий Владимирович!

Наконец, я решаюсь написать Вам, как выйдет: писал несколько раз, и так все выходило по-чудному, что приходилось, не оканчивая письма, разрывать его. Письмо Ваше я получил 31 XII <по> нашему стилю, в день нашего возвращения от Наташи, которая мне подарила Лягушку-квакушку.¹

Все жду, когда Наташе будет 7 лет (теперь ей 3 года и 9 мес<яцев>), и мы, Бог даст, перевезем ее в Петербург учиться. 6 I по нашему стилю я получил оттиск Вашей статьи в Р<усской> М<ысли>,² за которую приношу Вам мою благодарность. Очень хотелось бы видеть хоть выдержку из Меркурия со статьей З<инаиды> Н<иколаевны>.³ Слышал много и от Нувеля,⁴ и от Чулкова, видеть не видел. Упросите ее, З<инаиду> Н<иколаевну>, чтобы как-нибудь раздобрилась и эту выдержку выслала.

1) В Пруде действительно надпись «Прудъ» подгуляла, в чем признается и сам Добужинский.⁵

2) «Сириус» — это компания.⁶ Их было трое, но один из них ушел (М. Н. Бурнашев). Все они правоведаы или кавалергарды, а один (А. А. Трубников) даже камер-юнкер и радуется меня мундиром, в котором все собирается пожаловать ко мне <в> Казачий; теперешний глава — С. Н. Тройницкий (внук декабриста Якушкина) недавно женился и большой любитель старины. Все они ровесники мне и ничего не издают, один единств<енный> «Пруд», да и то без гонорара, а имеют свою типографию, в которой печатают «Старые годы» и многие другие книги, которыми заведует их управляющий. Одеваются они очень хорошо и говорят на всех языках.

3) Я Кузмина полюбил и увлекаюсь им, как писателем, за простоту его речи и легкость оборотов.⁷ Я вот бьюсь со своим стилем и у меня ничего не выходит. Муку мученическую терплю от затеи своей писать. Я опух, вывожу букву за буквой, как чистописание.

4) Л. Андреева тоже люблю,⁸ очень читать его интересно, тут, пожалуй, один Д<митрий> С<ергеевич> верх возьмет по интересности. А потом он мне очень понравился, я на его пьесе был⁹ и подходил здороваться, а потом он ходил по коридору покурить и все на него смотрел — так это хорошо было.

5) Как перед Богом говорю Вам, Д<митрий> В<ладимирович>, что от всего сердца полюбил я Вас в наше первое с Вами свидание, когда Вы простоквашу кушали, а прощаясь поцеловал Вас в правую щеку и волнение чувствовал, отводил глаза от Вас. Потом увлекся было Дымовым за вид его выдающийся, но после увлечение мое растаяло¹⁰ и я на Кузмина залюбовался, а теперь скажу по правде, ко Блоку уж тянет: такой он важный стал и воротнички в подбородок упираются.¹¹

6) Вяч<еслав> Иванов еще стал солиднее, еще больше ушедши в книги, поучает. Я думаю, что напрасно так на него нападали, он, кроме пользы в науках, ничего вредного не оказывает.¹²

7) Ф<едор> К<узмиц> — почитающий себя самим Богом¹³ с Петр<оградской> С<тороны> с Широкой у<лицы>,¹⁴ всуерьез, это не метафора, ходит благословляя и, кажется, не любит одного Вяч<еслава> Ив<анова>,¹⁵ которого считает первосвященником.¹⁶ А так Ф<едор> К<узмиц> никого не трогает, обрюзг, усы постриг и как-то так, не так, как мои кавалергарды это делают, пальто у него украли и все обижается. Я у него не был, соберусь как-нибудь старца проведать и о чем-нибудь неподходящем к Божеству поговорить, о яблоках и о том, как дрова дороги и старш<ие> дворники придиричивы.

А какие, должно быть, в Париже яблоки. Должно быть, есть и ананасные. Рассказ его Навьи чары очень искренний, полон провинциализма, так и кажется мне, что сижу я где-нибудь в Пензе и смотрю в окно на Московскую улицу.¹⁷

8) «Бесовское действо» мое освистала публика и рассердилась очень. Оно будет напечатано в кн<иге> Факелов,¹⁸ куда Г<еоргий> И<ванович> пригласил и меня не как соратника по оружию — какой же я Соратник ему, он хорошо это знает, когда я только и мечтаю обзавестись домом или табачную лавочку открыть. Эту книгу Вам пришлют.¹⁹

А письмо писал я в Товарищ вынужденно: и сокращал Б<есовское> д<ейство> не я, а театр, и Г<еоргия> <Ивановича> хотели из Товарища выгонять,²⁰ так письмо это надо было для его ограждения.²¹

Ну всего Вам хорошего, кланяюсь и Зинаиде Николаевне, кланяюсь и Дмитрию Сергеевичу и французского короля всей земле его кланяюсь.

Если не забыли меня, то не поморщитесь, читая строки мои; не могу я писать, хоть и начал, по-человечьему.

А. Ремизов.

С<ерафима> П<авловна>, исправив ошибки в сем письме, велела Вам кланяться.

¹ Ремизовы ездили в Берестовец (Черниговская губ.), где с начала 1906 г. на попечении матери и сестер С. П. Ремизовой-Довгелло жила их маленькая дочь Наташа. О судьбе Натальи Алексеевны Ремизовой (1904—1943) см.: *Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове*. Berkeley, 1980. С. 44—59; а также: *Бунич-Ремизов Б. Б.* Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и восприятии ее близких // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы*. СПб., 1994. С. 267—272.

² Подразумевается статья «Весенний ветер».

³ Речь идет о статье З. Гиппиус «Notes sur la littérature russe de notre temps» (*Mercur de France*. 1908. Vol. LXXI. P. 71—79), появление которой было вызвано публикацией в том же журнале очерка журналиста Е. П. Семенова «Le Mysticisme anarchique» (1907. 16 juillet. Vol. LXVIII. № 242. P. 361—364). Ср. сообщение в газете «Свободные мысли»: «В последнем номере „Mercur de France“ появилась новая статья о русской литературе. Автор E. Semenov уверяет, что последнее слово русской литературной мысли — „мистический анархизм“» (1907. 16 июля. № 9. С. 4). Полагаясь на свою беседу с Г. Чулковым, Семенов объединил вокруг новой идеологии Г. Чулкова, Вяч. Иванова, А. Блока и С. Городецкого. По замыслу З. Гиппиус, необходимо было восстановить реальный образ русской литературы текущего периода, объяснив читателям, «что такое Чулков» и кто такой Семенов, который, по ее мнению, «попал не туда и этого не заметил». Подробнее см: *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже

(1906—1908) // Лица: Биографический альманах. I. М.; СПб., 1992. С. 360—361. См. также: письмо Г. Чулкова к Блоку от 20 августа 1907 г. (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1987. Кн. 4. С. 401—402); «Письмо в редакцию» журнала «Весь» А. Блока по поводу статьи Семснова от 26 августа 1907 г. (*Блок А. Собр. соч.*: В 8 т. М., 1962. Т. 5. С. 675—676); письмо Вяч. Иванова в редакцию газеты «Товарищ» (1907. 23 сент. № 379. С. 5). Ср. также «Письмо в редакцию», в котором Г. Чулков пытался объяснить некоторые положения статьи Е. Семснова, возникшие в результате пересказа его собственных слов: «...считаю нужным возразить на ту часть статьи, где автор — Е. П. Семенов — характеризует современную группировку представителей молодой литературы <...> остается невыясненным вопрос, под служит критерием этой группировки: методы художественно-поэтических приемов или известное мировоззрение. Благодаря этому смешению двух принципов, можно истолковать „мистический анархизм“, как некое литературное течение, претендующее на значение литературной школы. Между тем это неверно» (Товарищ. 1907. 23 сент. № 379. С. 5).

⁴ С музыкальным и театральным деятелем *Вальтером Федоровичем Нувелем* (1871—1949), входившим в художественное объединение «Мир искусства» и редколлегии одноименного журнала, Ремизов познакомился в 1905 г. Споры о «мистическом анархизме» захватили Нувеля как стороннего наблюдателя, что нашло отражение в его письме к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 11 августа 1907 г.: «В Москве встречался с Брюсовым и Белым. Защищал Петербуржцев от нападков Москвичей. <...> О „мистическом анархизме“ иначе, как с пеной у рта, не говорят» (Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 293). Об отношениях Нувеля с Мерзжоловским см.: Письма З. Н. Гиппиус к В. Ф. Нувелю / Вступ. статья, публ. и прим. Н. А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2001. Вып. 2. С. 303—348.

⁵ Сохранилось письмо Ремизова к художнику от 12 мая 1907 г.: «Дорогой Мстислав Валерианович! Если у Вас есть время, зайдите ко мне в понедельник 14 мая часа в 3—4. Напишу сейчас Тройницкому. Вы сойдетесь для переговоров об обложке к „Пруды“. Если же в понедельник Вам нельзя, то назначьте ближайший день, а часы оставьте» (ГРМ, ф. 115, № 256, л. 8).

⁶ Типография «Сириус» была организована в 1905 г. *Сергеем Николаевичем Тройницким* (1882—1948), одним из основателей журнала «Старые годы» (1907—1916) и первым директором Эрмитажа, а также его друзьями по Училищу правоведения — *Александром Александровичем Трубниковым* (1882—1966) и *Михаилом Николаевичем Бурнашевым* (1882—1928). См.: *Федорова В.* Сергей Николаевич Тройницкий и типография «Сириус» // *Studies in modern Russian and Polish culture and bibliography. Essays in honor of Wojciech Zalewski.* Stanford, 1999. Stanford Slavic studies. Vol. 20. P. 273—279. В 1907—1908 гг. организаторы издательства были постоянными гостями Ремизова. См. запись в дневнике М. Кузмина от 17 января 1907 г.: «У Ремизовых были обещанные правоведы, или „мальчишки“, как кто-то их называет. Трубников очень милый и любезный, и он мне нравится сам по себе» (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. СПб., 2000. С. 309). А. А. Трубников под прозвищем «кавалергард» упомянут Ремизовым в автобиографическом рассказе «Глаголица» (Речь. 1911. 25 дек. № 354. С. 2—3). По воспоминаниям Ремизова, изданию романа в «Сириусе» активно содействовали также С. К. Маковский (1877—1962) и Н. Н. Врангель (1880—1914). См.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10. С. 171, 228.

⁷ Воспоминания Ремизова о *Михаиле Алексеевиче Кузмине* (1872—1936) «Послушный самокей», описывающие их первую встречу в 1906 г. на вечере «Современной музыки» в Петербурге, см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. С. 244—250. Посвящением М. А. Кузмину предварялась легенда «Гнев Или Пророка», написанная Ремизовым в 1906 г. и вошедшая в сборник «Лимонарь, сиречь Луг духовный» (1907).

⁸ Поддержка *Леонида Николаевича Андреева* (1871—1919) решающим образом повлияла на творческую судьбу Ремизова. Именно благодаря Андрееву 8 сентября 1902 г. в газете «Курьер» состоялась его первая публикация — «Плач девушки перед замужеством», под псевд. Николай Молдаванов. В письме к П. Е. Щеголеву 11 ноября 1902 г. Ремизов описал свое знакомство с известным писателем: «Сегодня был у Андреева: в блузе, черных шароварах и лакированных сапогах, подвижный, с чистым выговором <...> Принял очень приветливо» (Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. С. 153—154). Подробнее см.: *Грачева А.* Алкссей Ремизов и Леонид Андреев (Введение к теме) // *Алкссей Ремизов: Исследования и материалы.* СПб., 1994. С. 41—52.

⁹ По-видимому, имется в виду авторское чтение пьесы «Царь-Голод», состоявшееся 9 октября 1907 г. на квартире Л. Андреева в Петербурге. Ремизов воспользовался приятельскими отношениями Чулкова с Андреевым, чтобы присутствовать на вечере. См.: Письма А. М. Ремизова к Г. И. Чулкову / Публ., вступ. заметка и коммент. М. В. Михайловой // Кафедральные записки. Вопросы новой и новейшей русской литературы. М., 2002. С. 232. По сообщению газеты «Свободные мысли» (1907. 8 окт. № 21. С. 3), Андреев читал свою новую пьесу также и в «Кружке Литературы».

¹⁰ С прозаиком, драматургом, журналистом *Осипом Дымовым* (наст. имя и фам. Иосиф Исидорович Перельман; 1878—1959) Ремизов встречался на «средах» у Вяч. Иванова, в доме Ф. Сологуба, на редакционных собраниях журналов «Вопросы жизни» и «Золотое руно». Ср. упоминание в «Куклах», запись от 26 сентября 1905 г.: «...в редакции В. Ж. <...> Читал Осип Дымов. Он изумительно представляет и особенно А. Л. Вольнского» (*Ремизов А. М. Собр. соч.* М., 2002. Т. 7. С. 47).

¹¹ Историю взаимоотношений Ремизова и *Александра Александровича Блока* (1880—1921) см.: Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) / Вступ. ст. З. Г. Минц; публ. и коммент. А. П. Юловой // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые исследования и материалы. М., 1981. Кн. 2. С. 63—142.

¹² Очевидно, подразумеваются статьи московского лагеря символистов, в которых сдко критиковалась поддержка Вяч. Ивановым «мистического анархизма» и его участие в сборниках «Факелы». См., напр., статью «Вехи. V. Мистический анархизм» В. Брюсова, опубликованную под псевдонимом «Аврелий» в журнале «Весь» (1906. № 8. С. 43—47). Возможно, Ремизов намекал и на статьи самого Философова, который не обошел строгими суждениями позицию Вяч. Иванова в статьях «Мистический анархизм. Декадентство, общественность и мистический анархизм» (Золотое руно. 1906. Окт. № 10. С. 58—65) и «Дела домашние» (Товарищ. 1907. 23 сент. № 379. С. 3). О взаимоотношениях Ремизова и Иванова подробнее см.: Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, примеч. и подгот. писем Ремизова — А. М. Грачевой; Подгот. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 72—118.

¹³ Намек на ряд текстов Сологуба, написанных в 1906—1907 гг. в духе индивидуализма и вызывающего солипсизма: «Я. Книга совершенного самоутверждения» (Золотое руно. 1906. № 2. С. 76—79); «Человек человеку — дьявол» (Золотое руно. 1907. № 1. 53—55); «Литургия Мне» (Весь. 1907. № 2. С. 8—26); «Театр одной воли» (Театр: Книга о новом театре. СПб., 1908. С. 179—198). С «Литургией Мне» Ремизов познакомился на авторском чтении 5 ноября 1906 г. См. «Тетрадь посещений «Литературные вечера и чтения (посещения). 1901—1907» Ф. Сологуба (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 81, л. 53об). Эти произведения получили громкий резонанс в литературном мире. С упоминания об одном из них Философов начинал статью «Мистический анархизм. Декадентство, общественность и мистический анархизм»: «Нс особенно давно в „Золотом руно“ была напечатана коротенькая статья Сологуба, в которой автор откровенно признал свое „я“ богом» (Золотое руно. 1906. № 10. С. 58). См. также статью Философова «Без стилия», где в связи с романом «Навыи чары» критик писал: «...на мой взгляд, над романом <...> свет тихая усмешка. В нем есть улыбка, и это приятно. <...> Он-то сам думает, вероятно, что он достиг смеха божественного. Недаром он провозглашает себя богом» (Московский еженедельник. 1908. 18 марта. № 12. С. 44—45).

¹⁴ На углу ул. Широкой (д. 19, кв. 2) и Малою проспекта Петербургской стороны Сологуб поселился летом 1907 г. после смерти сестры.

¹⁵ Отношения Сологуба и Вяч. Иванова в контексте общественно-литературной дискуссии по поводу «мистического анархизма» имели двойственный характер и выражались во взаимном притяжении и отталкивании ввиду утверждения сугубого индивидуализма и даже солипсизма, с одной стороны, и стремления преодолеть индивидуализм посредством объединения индивидуальных творческих потенций в «соборное» творчество — с другой. Подробнее о взаимоотношениях двух писателей см.: *Иванов В.* Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974. Л., 1976. С. 137—138; 141—144; *Павлова М.* Вяч. Иванов и Федор Сологуб. «Противочувствия». Из истории отношений 1905—1906 гг. // *Europa orientalis.* 2002. 2 (XXI). VIII Международная конференция «Вячеслав Иванов: Между Св. Писанием и поэзией». S. 9—18.

¹⁶ Возможно, намек на роль первосвященника раннехристианских мистерий, которую В. Иванов исполнял во время так называемых «радний» у Н. Минского в ночь со 2 на 3 мая 1905 г. Среди присутствовавших были Ф. Сологуб и А. Ремизов. Ср. описание собрания в

письме Е. П. Иванова к Блоку от 9—10 мая 1905 г.: «Больше всего делал и говорил Иванов. Он был чрезвычайно серьезен, и только благодаря ему все смогло удержаться. И сидение на полу с соединенными руками произвело действие. Кажется чуть не два часа сидели. И вот тогда решили после объяснения начать избирать жертву. <...> И как только спросили „кто хочет“. Поднялся молодой человек <...> и сказал „Я хочу быть жертвой“. <...> Иванов подошел и говорил „Брат наш, ты знаешь, что деласшь. Какое дело великое и т. д.“. Потом все подошел и целовали ему руки. <...>. Но вот наступила минута Сораспинания. <...> Кажется Иванов с женой разрезали жилу под ладонью у пульса и кровь в чашу. ... Жена Розанова говорит, что пили кровь все и потом братским целованием все кончилось» (*Ильюнина Л. А.* Непубликованные письма из архива Е. П. Иванова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1990. М., 1992. С. 106).

¹⁷ В 1897—1900 гг. Ремизов находился под гласным надзором полиции в Пензе. В числе комнат, в которых ему пришлось проживать в это время, было и съемное жилье при модной мастерской на Московской улице. См.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверсьн. М., 2000. С. 396—399.

¹⁸ «Бесовское действие» было опубликовано в третьей книге «Факелов» (СПб., 1908. С. 33—87).

¹⁹ Философов откликнулся на «Бесовское действие» в статье «Без стиля», причислив пьесу к литературным стилизациям, объединенных «вялым эстетизмом художников, оторванных от действительности». Вместе с тем, на фоне произведений С. Ауслендера и М. Кузмина, критик выделил ремизовское «Действо» как «единственный образец <...> непосредственной стилизации»: «Здесь, порою, чувствуется дыхание искусства, достижение известного совершенства, хотя бы, напр<имер>, в языке. Но и то, чтение „Действа“ довольно безотрадно. Более или менее удачная *реставрация*. Как на всемирных выставках строят „уголки“ Венеции или Туниса. Жажда поехать в Тунис или Венецию эти „уголки“ не уничтожает. Происходит это от того, что стилизация Ремизова не средство, цель. Очень любопытно, что наш современник, архидекадент А. М. Ремизов, увлекается русской стариной, что из нее он извлекает новые образцы, новые богатства языка. Но это его личное дело» (Московский еженедельник. 1908. 18 марта. № 12. С. 46).

²⁰ В театральном отделе газеты «Наша жизнь» (впоследствии переименованной в «Товарищ») Чулков опубликовал более 70 рецензий на спектакли театра В. Ф. Комиссаржевской и других петербургских и московских театров. Возможно, что осложнение отношений Чулкова с редакцией газеты возникло после его выступления в защиту В. Э. Мейерхольда, вступившего в конфликт с Комиссаржевской из-за несовпадения взглядов на принципы сценического искусства. Подробнее см.: *Чулков Г.* По поводу ухода Вс. Эм. Мейерхольда из театра В. Ф. Комиссаржевской // *Товарищ*. 1907. 20 нояб. № 428. С. 5; *Опровержение // Товарищ*. 1907. 24 нояб. № 431—432. С. 5; а также *Чулков Г.* Годы странствий. М., 1930. С. 225—226.

²¹ В издании пьесы 1919 г. (Пб.: издание Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. Репертуар. Русский театр. № 1) Ремизов опубликовал афишу 1907 г., «Краткое изложение для руководства зрителя по причинам могущей возникнуть независимо от автора неясности» (Там же. С. 44), перечень карикатур и рисунков, появившихся в печати после представления (Там же. С. 46), а также историю прохождения цензуры: «Много было хлопот с цензурою. Пришлось прибегнуть ко всяким хитростям и вывертам, да и к собственному цензурированию» (Там же). Описывая историю постановки пьесы, Ремизов упомянул и о роли Чулкова: «После представления Г. И. Чулков взял да и написал в „Нашей жизни“ <...>, что пьеса уж очень окорнала цензура и получилось пантомима. Цензор справедливо обиделся и напечатано было опровержение. Пришлось отвечать. Глупо, конечно, вышло, но что делать» (Там же).

Дорогой, милый Алексей Михайлович.

Не сердитесь, что у Вас не были. Уж очень засуетились.²

Подумайте, вчера, после<дня> репетиция Павла шла с 12 ч. ночи до 4 утра!

Приходите сегодня к нам в 8 — 8 ½ ч<аса> вечера.

Мы вместе пойдем к Иксуль.³

Первое отделение — Павел I.⁴

Второе — начнет Д<митрий> С<ергеевич>, а затем Ф.⁵

Думали вчера вечером видеть С<ерафиму> П<авловну> и передать ей на словах, но ее не было.

Что Лундберг?⁶

Ваш Д. Ф.

¹ Датируется по содержанию.

² Подразумевается подготовка благотворительного вечера, устроенного Мережковскими и Философовым с целью поддержки Ремизова. После обвинения в плагиате (См.: *Миров М.* Письмо в редакцию // *Биржевые ведомости.* 1909. 16 июня. № 11160. С. 5—6; а также: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Р. Обатниной // *Русская литература.* 1995. № 3. С. 159—160, 168—170, 204—209) писатель пережил тяжелейший стресс и оказался без средств к существованию. Ср. воспоминания Гиппиус в книге «Дмитрий Мережковский» (1951): «Не так давно вошедший в литературу талантливый писатель Ремизов оказался этой зимой в бедственном положении. Когда-то он был секретарем журнала „идеалистов“, жил с женой (большой нашей приятельницей) и новорожденным ребенком в редакции... Но теперь был в нужде, и мы вздумали устроить для него частный вечер» (*Гиппиус З. Н.* Живые лица. Кн. 2. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 277—278).

³ *Иксуль фон Гильдебрандт Варвара Ивановна* (урожд. Лутковская, в первом браке — Глинка-Маврина; 1852—1928) — баронесса, общественная деятельница, хозяйка известного в Петербурге литературно-артистического салона. Ср.: «Д. С. <Мережковский> обратился к верному другу — очаровательной баронессе Иксуль, — и, с ее содействием, был устроен единственный в своем роде вечер, в ее собственном особняке (уж не у Аларчина моста, а в большом двухэтажном доме, прямо против Кирочной, в двух шагах от нас)» (Там же. С. 278).

⁴ Речь идет о постановке драмы Мережковского «Павел I» (1907), осуществленной Вс. Мейерхольдом. О вечере 14 декабря С. Ауслендер опубликовал заметку в журнале «Аполлон»: «В одном частном доме для немногочисленной публики были поставлены две сцены из драмы Мережковского „Павел I“. Это был странный спектакль, не было сцены, не было декораций, собственно не было и зрителей, просто собралось некоторое количество знакомых и полужнакомых гостей в большом зале, разместились по старинным диванам и креслам, и вдруг на секунду электричество погасло, и когда зажглось только в глубине комнаты, там вместо желтых ширм, на которые никто не обращал особенного внимания, в томно задумчивой позе на диванчике лежал, опустив на пол руку с волюмом Руссо, Александр, а Психея — Елисавета сидела подле него, тихо перебирая струны арфы. Очень скоро, конечно, выяснилось, что Елисавета — достаточно известная актриса — Мусина, Александр — Голубев, а явившийся потом Павел — Озаровский. Но первое необычайное и на сцене недостижимое впечатление какой-то подлинности придало всей постановке, интересно задуманной Мейерхольдом, особую остроту» (1910. Январь. № 4. С. [76]). Ср. также позднейшие воспоминания З. Гиппиус: «В уютном зале — что-то вроде сцены, с раздвижным занавесом. Известные тогда артисты разыграли два действия (или две картины) из драмы Д. С. „Павел I“. Прошло с интересом, даже внешне, — костюмы были того времени. Павла играл Озаровский, Елизавету с арфой, кажется, его жена. Кто играл Палена — не помню, но все были на своих местах. Во 2-м отделении читал что-то Ремизов (он хороший чтец) и я свое стихотворение „14 декабря“ (первое из трех) <...>. Публи-

ка была самая пышная. Между прочим — Шалапин. <...> Вечер имел и большой материальный успех» (Гиппиус З. Н. Живые лица. Кн. 2. С. 277—278).

⁵ Очевидно, Ф. Сологуб (письмо написано карандашом и по характеру почерка — в спешке, поэтому, можно предположить, что здесь не дописана фамилия). Созывая на вечер именитых гостей, З. Н. Гиппиус писала Сологубу 13 декабря 1909 г.: «Вот какое дело: мы устраиваем дружеский вечер для помощи совсем больному Ремизову (имя не произносится вслух). Участвуют только его действительно друзья, которые сделают это от доброго сердца, по-товарищески, а не так себе. Будем, значит, мы трос, Блок, Иванов (если встанет), Мейерхольд... С вами хотела я говорить в первую голову, да вот нет вас! Вечер назначен на 14 Декабря, у баронессы Иксуль (Кирочная, 18). Билеты («чашка чаю») уже отпечатаны, их 70, по 5 р., а программы еще нет! Вы понимаете, милый мой Чарник, что без вас никак нельзя. Читайте, что хотите: рассказ большой, рассказ маленький, сто стихотворений, одно стихотворение — воля ваша; больше — лучше для нас. Обожающих вас курсисток увя! не будет. Будут, очевидно, „графья да князья“, но что же делать, так лучше для Ремизова, а ведь все это для него. <...> Р. С. Если у вас есть добрые богачи, которые захотели бы прийти на вечер — скажите, я пришлю билеты» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 183).

⁶ В августе 1909 г. литератор Евгений Германович Лундберг (1883—1965) был арестован и препровожден в киевскую Лукьяновскую тюрьму, а потом переведен в Петропавловскую крепость, где провел полгода. Л. И. Шестов обратился к Ремизову 2 ноября 1909 г. из Киева: «...Ев<гения> Гер<мановича> с месяц тому назад арестовали. Ни за что ни про что: политикой он не занимался. Но, представь — не выпускают. Хуже того: отвезли на днях в П<етербург>. Дней восемь назад я писал З<инаиде> Н<иколаевне>, что<б> она просила похлопотать о Ев<гении> Гер<мановиче>. Ответа еще не получил. Сходи непременно к ней, узнай, получила ли письмо и поговори сам с ней, и с Философовым. Пропадет Лун<д>берг, если не похлопочут...» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 3. С. 192—193). О взаимоотношениях Лундберга с Ремизовым см.: Лундберг Е. Г. I. Автобиография. II. Письма к А. М. Ремизову / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 314—367.

13. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Дорогой Алексей Михайлович.

Нам надо идти к д<окто>ру Чигаеву¹ в пятницу (8 янв<аря>) в 8 ч<асов> веч<ера>. Заходите за мною к 8 ч<асам>.

Буду Вас ждать.

Искренне Ваш Д. Философов.

7. I. <1>910.

¹ Чигаев Николай Федорович — коллежский советник, доктор медицины, практикующий врач; приват-доцент Императорской Военно-медицинской академии, главный врач больницы при Свято-Троицкой общине сестер милосердия, работал также в Психоневрологическом институте; Ремизов вспоминает о нем в книге «Кукха» в связи с воспалением легких, перенесенным в 1909 г. См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 92. Новый визит к врачу был, по-видимому, продиктован рецидивами язвы желудка, открывшейся весной 1910 г. В 1910-х гг. Чигаев был домашним врачом Мережковских; впоследствии Гиппиус отзывалась о нем весьма скептически. См.: Гиппиус З. Н. Живые лица. Кн. 2. С. 279—280.

Villa Paulette
Boulouris sur Mer. Var.
France
Mr. Dmitri Philosopfoff
<22 апреля 1910>¹

Христос Воскресе,
Милый дорогой, Алексей Михайлович.

Приезд дорогих гостей, (совершенно неожиданный),² настолько нарушил нашу тихую жизнь, что я положительно не имел возможности ответить на ваше письмо.

При сем посылаю два письма: одно на имя Пантелеева (боюсь только, не перепутал ли я его имя и отчество!)³

Внимательно прочтите оба, запечатайте их, и поступите соответственно.

Сначала пойдите к Чигаеву и, получив от него документ, снесите его вместе с моими письмами к Пантелееву. (Адреса его не знаю, но найдете его или во всем П<етербур>ге,⁴ или в «Речи»⁵.)

Пока лично никаких прошений подавать не придется. Возьмите на себя только роль посыльного. Я прошу 35 р<ублей>.

Конечно, они не дадут их, но я боялся, что вдруг они сбавят с 25 р<ублей> на 15!! Потому и запросил. О результате Ваших походов — напишите.

Я бы мог написать еще Набокову.⁶ Но это мне по разным причинам неудобно. Я неоплатный должник перед ним, и каждое обращение к нему меня очень тяготит. Хорошо было бы если бы Д. А. Левин⁷ написал Набокову. Попросите его от моего имени. Я только что хлопотал по его просьбе за Лундберга. Он может только просто даже поговорить в редакции с Набоковым. Вообще не смущайтесь и действуйте.

Вы мне посулили присылку А<льманаха> для всех,⁸ однако по сей день я его не получил. Мне это очень грустно. 1) Из трех источников слышал похвалы Вашему Неумному б<убну>. 2) Мог бы написать об альманахе в Р<усском> сл<ове>.⁹

Мы встретили Пасху в мире и тишине.¹⁰ Был у нас кулич, и пасха, и краш<еные> яйца, и даже восковые свечи и бумажн<ые> розы. Все это продавали здесь, готовые на все французские кондитеры.

Хотим послать свой привет дорогой любимой Серафиме П<авловне>. Но рассказы Таты меня смутили.¹¹ Чувствую, что опять накопились какие-то тяжелые недоразумения, которые надо разогнать или бесконечными письмами, или, лучше всего, личными разговорами. Кажется, она нас зачислила в предатели, но я ей по-прежнему верю, часто вспоминаю ее и люблю.

З<наида> Н<иколаевна> все еще очень слаба. Совершенно не может ходить. Вчера поехали кататься, а вечером она совсем ослабела.

Порой одолевает уныние и кажется, что на этот раз ее организм не переборет недуга. Порой же катаемся, и кажется, что она к осени поправится.

Я ничего не делаю. Со скукой пишу что-то в Р<усское> слово, которое донимает меня телеграммами. Живу в постоянной тревоге. Иногда ясно видишь, насколько пакостен, бездарен, ничтожен. Иногда кажется, что весь мир проклят. А иногда бывают светлые минуты благодарности за все. Пасха для меня всегда день умиления, и эти строки пишу Вам с ощущением какой-то грустной, примиренной радости, просветленной печали.

Я Вас очень люблю, милый Алек<сей> Мих<айлович>. Мне еще не удалось доцарапаться до последних тайников Вашей сложной и скорбящей души, но никогда не забуду того, с каким открытым сердцем Вы раз говорили со мной. Какое доверие Вы мне этим оказали. Всегда буду вспоминать эту беседу с чувством святой благодарности. Милый, не бойтесь сентиментальности. Мы все чем-то в корне уязвлены и страшно боимся обнажиться, как бы не получить новой роли. Это не хорошо. Просто непрактично. Во всяком случае мое сердце к Вам открыто.

Искренне Вас любящий, уважающий,

Д. Философов.

Р. S. Мы здесь гулял<и> по лесу, рассматривали вместе с Карташ<овым>¹² всякие деревья, <1 нрзб.> диковинные. Карташов мне рассказал, как несколько лет тому назад, в Ливадии, сторож показывает ему тополь и говорит: «Это — пирамидальный тополь». Может быть, Вам пригодится.

Д. Ф.

¹ Датируется предположительно по содержанию. Сверху на первом листе имеются пометы Ремизова: 26—IV—9—V; 22—IV—6—V—910.

² Подчеркнуто синим карандашом рукой Ремизова.

³ Речь идет о *Николае Федорович Пантелееве*, советнике Главного Управления по делам печати.

⁴ Имеется в виду ежегодная «Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга», с конца 1890-х гг. выпускавшаяся издательством А. С. Суворина.

⁵ Еженедельная политическая, экономическая и литературная газета «Речь» издавалась в Петербурге в 1906—1917 гг.

⁶ *Набоков Владимир Дмитриевич* (1869—1922) — юрист, публицист, один из лидеров кадетской партии. На гибель Набокова Философов откликнулся некрологом «Памяти старого друга», опубликованным во владивостокской газете «Наша речь» (1922. 10 мая. № 14. С. 2—3).

⁷ Юрист и публицист *Левин Давид Абрамович* (1863—1930) принимал активное участие в деятельности «Речи». См. о нем: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. С. 181. После шумной истории 1909 г. с обвинением Ремизова в плагиате публикации писателя в «Речи» возобновились лишь в 1911 г.: «Я участвовал в „Речи“ как гастролер: через Д. А. Левина, приятеля Льва Шестова, меня печатали на Пасху и на Рождество, и дважды в году я бывал в редакции...» (Там же. С. 376).

⁸ В «Альманахе для всех» (СПб., 1910. Кн. 1) была опубликована повесть Ремизова «Несмынный бубен».

⁹ «Русское слово» — ежедневная газета, издававшаяся товариществом И. Д. Сытина в Москве с 1905 по 1917 г. Рецензия Философова на альманах в газете не появлялась.

¹⁰ В 1910 г. Пасха праздновалась 18 апреля.

¹¹ *Гиппиус Татьяна Николаевна* (1877—1957) — художник, автор портретов петербургских поэтов и писателей, в том числе и Ремизова, младшая сестра З. Н. Гиппиус, входила в ядро созданной Мерсезжовскими интимной религиозной «общины», вместе с другой сестрой — Натальей Николаевной Гиппиус и Д. В. Философовым, А. В. Карташевым и В. В. Кузнецо-

вым. На протяжении многих лет, во время длительных отъездов Мережковских за границу, она вела подробные дневниковые записи о петербургской жизни с описанием всех встреч и событий, которые аккуратно отправляла сестре. Выдержки из ее писем к З. Н. Гиппиус 1906—1908 гг., описывающие различные курьезные эпизоды, связанные с С. П. Ремизовой-Довгелло, которая нередко оказывалась дезориентированной в чувственной и по стилю взаимоотношений театральной среде петербургской богемы, см.: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «главного» // Эротизм без берегов. С. 391—455. С. П. Ремизова принадлежала к числу тех немногих «посвященных», кто не только знал о существовании «новой» церкви Мережковских, но и неоднократно участвовал в совместных молениях. Однако со временем у нее нарастало внутреннее, нередко выражавшееся открыто неприятие к предпринятой Мережковскими модернизации канонов православия.

¹² Бывший профессор Духовной академии, один из руководителей Религиозно-философского общества в Петербурге *Карташев Антон Владимирович* (1875—1960) входил в ближайшее окружение Мережковских.

15. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

ст. Валдайка. Новг<ородской> губ<ернии>
имение Сменцево
17 авг<уста> <1>910

Дорогой Алексей Михайлович.

В конце июля мы были в П<етербур>ге. И день прежде я получил от Вас Григорьева.¹ Думал, что Вы в городе, и в Воскр<есенье>, в первый Спас, отправился к вам, но швейцар мне сказал, что Вы «кажется» опять в санатории, куда уехали в четверг, не оставив адреса.²

Я и порадовался, что Вы не в городе и пожалел, что не удалось пови-
дать.

В П<етербур>г мы ездили по неприятному делу: у Д<митрия> С<ергее-
вича> сделалась малярия, и мы должны были переменить место. Мера сия
помогла. Он оправился, и на 4 авг<уста> мы опять тут. Когда вернемся, не
знаю, да вообще не знаю, что с нами будет.

Вы мне писали, что читали ответ Минского. Я Вам привозил мою ста-
тью и мой ответ на его ответ.³ Теперь уже передам эти «документы» при
свидании.

Прочел я Максимова, Год на севере,⁴ и Голубинского, Историю церкви
т. II⁵ и то и другое очень интересно.

А Григорьева Вы мне затаскали порядочно. И подклеили обертку
<в>верх ногами! Вот что еще. В III томе Григорьева была географич<е-
ская> карта.⁶ Что, Вы ее затеряли или я Вам ее не дал? Напишите по совес-
ти.

Был бы очень рад получить от Вас весточку. Вернулась ли Серафима
Павловна? Передайте ей мой *искренний* привет.

Погода плохая. Здесь сыро, но хорошо: леса и озера. В лесу часовня.
Около нее не то юродивый, не то блаженный. По праздникам — пьянство,
побоища, гармоника и песни. Грибов — не соберешь. Сегодня собрал це-
лую корзину рыжиков.

Написали ли Вы что-нибудь за лето?⁷

Если встретите в «Утре России»⁸ что-нибудь любопытное, пришлите. Я этой газеты не получаю.

Имеем известие от Блока. Он строит себе новый дом. Петербургскую квартиру переменял и вообще, кажется, разбогател.⁹ А больше ни об ком ничего не знаем.

Душевно Вас любящий,

Д. Философов.

Р. С. Читаю Пиквикский клуб и перечел Мертвые души. Если Вы Пиквикского клуба не читали, я Вам его дам. Перевод хороший и книжки удобные (Дешевая библиотечка Суворина).¹⁰ Гоголь перед написанием Мертвых душ увлекался Диккенсом.

Имеете ли сведения о Пришвине?¹¹

Кстати, из окна вагона видел на «перроне» станции Укловка Ауслендера.¹² Он там на даче?

¹ Подразумеваются «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа» (Т. 1. Пинега; Т. 3. Мезень. [СПб]: изд. Имп. АН, 1904, 1910).

² С 1 по 30 июня 1910 г. Ремизов проходил курс лечения язвенной болезни в санатории М. М. Волковой в Финляндии.

³ Речь идет о полемике между Философовым и Николаем Максимовичем Минским (наст. фам. Вилнскин; 1856—1937), завязавшейся на страницах «Русского слова». В статье «Русский язык», анализируя пьесу Минского «Малый соблазн», напечатанную в альманахе «Шиповник» (1910. № 12), Философов утверждал, что автор, долго проживший за границей, «совершенно разучился писать по-русски», приводя в пример пренебрежение простейшими правилами грамотного использования глагольных форм (одеть / надеть) и др. (Русское слово. 1910. 2 июля. № 150. С. 3). Минский парировал «Письмом в редакцию», в котором упрекал рецензента в прямолинейности и жесткости восприятия текста пьесы, объясняя эпитеты и выражения стремлением достичь особой выразительности речи героев. См.: Минский Н. В защиту русского языка (Письмо в редакцию) // Русское слово. 1910. 23 июля. № 168. С. 4. Вместе с заявлением Минского в газете была помещена ответная заметка Философова «Примечание к письму Н. М. Минского», автор которой, не снимая своих замечаний, резюмировал: «...по совести говоря, Минский не опроверг, а подтвердил предъявленное ему обвинение» (Там же).

⁴ См.: Максимов С. В. Год на севере. 1-е изд. СПб., 1859. Т. 1—2.

⁵ Имеется в виду издание первой половины второго тома «Истории русской церкви» экстраординарного профессора Московской духовной академии Е. Голубинского, посвященной т. н. «московскому периоду»: «От нашествия монголов до митрополита Макария включительно» (М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900). Вторая половина тома вышла в Москве в 1911 г.

⁶ В приложении к т. 3 «Архангельских былин и исторических песен» («Мезень») прилагалась «Карта распространенных старин на Крайнем севере Европейской России» (С. 711—728).

⁷ Летом 1910 г. писатель работал над повестью «Крестовые сестры», о чем сообщал в письме к И. А. Рязановскому от 9 августа: «И опять пишу Вам <...> в дни моих скорбей — опять я захворал всюю. Сижу я все над „Крестовыми сестрами“ — третий месяц идет. Но не от лениости тяну, Вы знаете, третий раз переписываю с отделкою. <...> 10-го <июля> меня увез к себе (г. Боровичи, Новгородская губерния), имение Ждань Е. В. Аничков <...>. У Аничкова сидел я по 18-и часов над повестью моей и очень изморился. <...> с 30 июля здесь на Аландских островах у Ивана Разумника. На этой неделе, в крайнем случае на той — в Петербург» (ОР РНБ, ф. 634, оп. 1, № 31, л. 11).

⁸ В 1910 г. Ремизов опубликовал в ежедневной газете, органе московских промышленников, «Утро России» два рассказа: «Страсти Пресвятыя Богородицы» (16 апр. № 124. С. 2) и «Коловертыш» (8 сент. № 244. С. 2).

⁹ А. Блок занялся перестройкой дома в Шахматове, получив наследство после смерти отца. См.: *Бекетова М. А.* Ал. Блок и его мать. Воспоминания и записки. Л.; М., 1925. С. 151—152.

¹⁰ Сочинения Диккенса в издании «Дешевой библиотеки» Суворина не выходили. Предположительно речь идет о 33-томном собрании сочинений английского писателя, которое было напечатано в 1905—1909 гг. СПб. типографией издательства «Просвещение» в «карманном» формате.

¹¹ Лето 1910 г. писатель *Пришвин Михаил Михайлович* (1873—1954) проводил в деревне Брынь, Смоленского уезда. Знакомство Философова и Пришвина состоялось 6 октября 1908 г. См.: *Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. Дневники: 1905—1954. М., 1986. С. 32.

¹² *Ауслендер Сергей Абрамович* (1886—1937) — писатель, племянник М. А. Кузмина.

16. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Дорогой Алексей Михайлович.

Спасибо за книги. Карту Вы изгадили окончательно. Что у Вас осталось? Мне были бы нужны «очерки» Всева Миллера т. I.¹

Мы ввалились во вторник вечером. Что с нами будет, не знаю. На днях зайду к Вам — потолкуем.

Ваши «язвы» и у меня на сердце язвой. Просто не знаешь, что с Вами и делать.

И так до скорого свидания.

Серафиме Павловне низко кланяюсь.

Душевно Ваш Д. Ф.

Посылаю Вам многососную лъвицу.

17 сент<ября> <1910> (Вера, Любовь, Надежда и мать их София).

¹ Вероятно, речь идет об «Очерках русской народной словесности» (Т. 1: Былины. М., 1897). В. Ф. Миллер написал также «Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой» (М., 1876. Т. 1).

17. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

<22 октября 1910 г.>¹
Пятн<ица>

Дорогой Алексей Михайлович.

Не пригласите ли Вы меня к себе как-нибудь на будущей неделе вечером? Напр<имер>, 27 го или 28 го?

Я видал сегодня М. М. Пришвина, и мы сговорились с ним, что я его извещу, когда буду у Вас. Он тоже хочет прийти. Может быть, Вы известите его прямо от себя? Уезжаем мы числа 10-го.

Душевно Ваш

Д. Ф.

P. S. А во вторник Дмитрия Солунского.² Да!

¹ Датируется по содержанию.

² День памяти великомученика Дмитрия Солунского — 26 октября (ст. ст.).

18. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Алексей Михайлович.

Наиболее типичные портреты Дау, или Крюгера.¹ Но как-то для «сказки» упоминать их странно. Надо другие «обиняки». За протекцию у Щеколдина² спасибо.

Ваш Д. Ф.

1.XI. <19>10.

¹ Речь идет о мастерах портретного и исторического жанра — англичанине *Джордже Дау* (1781—1829) и немце *Франце Крюгере* (1797—1857), известных полотнами с изображениями царствующих особ, в том числе и русского императорского двора. Возможно, Ремизов спрашивал у Философова имена художников, изображавших русских царей, в связи с работой над «сном» «Железный царь» (цикл «Бедовая доля»), включенным в третий том его «Сочинений» (СПб., [1911]). В «Железном царе» имеется не только упоминание «крюгеровского портрета», но и упоминание о Философове, который фигурирует там как «старый приятель литератор Ф.». См.: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 444—445.*

² *Щеколдин Федор Иванович* (1870—1919) — революционер, литератор, в 1910-х гг. банковский служащий, близкий друг Ремизова, с которым писатель познакомился в усть-сысольской ссылке в 1901 г. См.: *Дворникова Л. Я. Из истории прототипов книги А. Ремизова «Иверень»* (Ф. И. Щеколдин) // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 231—242.*

19. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

<Конец ноября 1910>¹

Дорогой Алексей Михайлович.

1) Не забудьте посылать Ваши сочинения.²

Спасибо за первый том,³ жду след<ующего>.

Адрес пока (до извещения) — Paris (France). Poste Restante. M<onsieur> Dmitri Philosophoff.

2) Не брезгуйте с Михайловским. При сем брошюра. Подробности можете узнать у Владимира Владимировича Философова.⁴ Спасская ул. 21.

3) Передайте швейцару Королеву (подъезд с улицы) следующее:

Я говорил по его делу с нижегородск<им> Вице-губернатором и передал ему письмо Королева. Пусть 2го или 3го Декабря Королев напишет в Нижний Новгород след<ующее> письмо: Его Превосходительству Сергею Ивановичу Бирюкову. Г<осподин>у Вице-губернатору г. Нижний Новгород.

«С разрешения Д. В. Философова обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбой уведомить меня, в каком положении находится мое дело и т. д. Адрес такой-то».

Крепко обнимаю Вас и Серафиму Павловну.

Ваш Д. Ф.

¹ На именном бланке: «Дмитрий Владимирович Философов. Пантелеймоновская, 27, кв. 120. тел. 114—06». Датируется по содержанию.

² «Сочинения» Ремизова выходили в издательстве «Шиповник» в 1910—1912 гг. Последний, восьмой, том выпустило издательство «Сирин», выкупившее право на повторное издание.

³ Первый том («Рассказы») вышел из печати между 11 и 18 ноября 1910 г.

⁴ Подразумевается брошюра старшего брата Д. Философова — *Философова Владимира Владимировича* (1857—1929) — «Краткая справка о Михайловском и о Колонии имени А. С. Пушкина» (Псков, 1909), где речь идет об учреждении «в селе Михайловском колонии для сирот и вдов писателей, а также для писателей, впадших в неизлечимую болезнь, лишающую их возможности заниматься литературным трудом» (Там же. С. 2). Согласно уставу Колонии, проживать в ней, «временно или постоянно», имели «право престарелые и неизлечимо больные (исключая остро- и заразобольных) или пересутомленных работой и потому нуждающихся в отдыхе: 1) писатели, 2) вдовы писателей и 3) учителя и учительницы сельских и городских школ» (Там же. С. 4). Очевидно, Д. Философов предлагал Ремизову поправить здоровье в этой Колонии летом 1911 г. См. также статью Д. Философова «Соседи по с. Михайловскому (К открытию пушкинской колонии)» (Речь. 1911. 26 мая. № 142. С. 2). См. также: *Иванова Т. Г.* Старший сын, старший брат (Владимир Владимирович Философов) // *Философовские чтения: Сборник материалов...* С. 91—104.

20. Д. В. Философов — Ремизовым

23 декабря 1910

5 janvier 1911¹

Дорогие мои Алексей Михайлович и Серафима Павловна.

Хоша мы и у лазурного моря, где по правилами цветут апельсиновые деревья, а лавры и лимоны — тоже самое, что у нас бузина, но... третьего дня выпал снег и до сих пор лежит, местами, в тени. А так как мы живем в пустынном месте, где природа подлинная, т<о> е<сть> где не насажены кактусы и лимоны, а вместо них корявая сосна, то порой кажется, что живешь где-нибудь около Гельсингфорса, в марте месяце.

Видно, снег выпал к Рождеству. Завтра сочельник у нас, а у французов Крещение. Не люблю я праздника за границей. Без того главная наша сущность (и ваша!!) одиночество, а в праздники, за границей это одиночество становится особенно безнадежным.

И вот вспоминаешь милых людей. С радостью пошел бы к вам завтра на елку. Буду вас завтра вспоминать, вспоминаете ли вы меня?

Должен вам покаяться. Очень мне тут тоскливо. Нет ничего тоскливее жизни в гостинице, когда кругом ничего нет. В четыре часа уже темно и сидишь в своей комнате. В десять вечера — все тушат, и начинает мучить жажда. О чае не моги и думать. Пьешь «сельтерскую». Не то в санатории живешь, не то в тюрьме для «высокопоставленных». Вероятно, так живет Абдул Гамид в Солониках.²

Утешение есть, конечно. Тишина абсолютная. Ни одного телефона, ни одного посещения, и ясные, светлые дни. На солнце градусов 18°.

Зин<аида> Ник<олаевна> просыпается в 8 ч<асов>, <в> 12 ч<асов> завтракает, а в 11 ч<асов> уже спит. Полный «перелом религии». Все время чувствовала она себя плохо, но последнюю неделю как будто начала

поправляться. Писать мне вам совершенно нечего. Жду от вас интересных вестей.

Христос с вами, милые.

Ваш Д. Ф.

¹ На бланке: «G^d Hotel des Roches Rouges. Agay».

² Подразумевается турецкий султан *Абдул-Хамид II* (1842—1918), который 29 апреля 1909 г. был низложен младотурками за участие в организации дворцового переворота и до 1913 г. содержался под стражей в Солониках.

21. А. М. Ремизов — Д. В. Filosoфoву

7/20 XII 1911 г.

Если Вам некогда или душа совсем другим занята, себя не утруждайте, пришлите мне рукопись.

Дорогой Дмитрий Владимирович!

Мне П. Е. Щеголев¹ в субботу говорил, что может устроить мой рассказ в Рус<ское> Слово. Я обещал П. Е. Щеголеву дать рассказ. Но потом, когда дома сообразил, решил лучше Вам послать.² Если Вы с «Р<усским> Сл<овом>» в ладах и Вас там послушают, передайте сказку о Петре для рождественского номера.³

Если же Вам неудобно это сделать, верните. Если Р<усскому> С<лову> сказка не понравится, пускай вернут.

Гонорар хотел бы получить до выхода №. Скажите, к кому мне обращаться, если дело выйдет. И пускай гонорар на дом пришлют.

По приблизительному подсчету в сказке 13.520 букв, 13520/40 — 338 строк.

Если бы дали по 50 коп<еек> за строчку, было бы очень хорошо. А не дадут 50-и, 40-то надо положить.

Всего Вам хорошего, Дмитрий Владимирович, чувствую я себя очень печально от физических скорбей моих.⁴

А. Ремизов.

¹ *Щеголев Павел Елисеевич* (1877—1931) — историк литературы и русского революционного движения, близкий друг Ремизова.

² Ср. письмо Ремизова к Щеголеву от 21 декабря 1911 г.: «Дорогой Павел Елисеевич! Лечу руку электричеством и готовлю рождественские рассказы. Все собираюсь к Вам, но видно уже придется только в конце той недели. Для Р<усского> С<лова> я передал сказку народн<ую> „Ц-рь Петр” Filosoфoву. До Вас очень далеко. Пожалуйста, Павел Елисеевич, придется к слову, помяните меня в „Р<усском> с<лове>”. Там меня никто не знает, а если кто и имеет представление обо мне, то дурное. Попадались мне отзывы в Р<усском> с<лове>! Всего хорошего. А. Ремизов» (РО ИРЛИ, ф. 627, № 1479—1610, л. 148).

³ Публикация в «Русском слове» не состоялась. Сказка о царе Петре, в своей фабуле восходящая к фольклорному источнику в записи Д. Н. Садовникова, после переработки появилась под названием «Нужда» в журнале «Современник» (1915. № 1. С. 30—32). Впоследствии, датированная 1915 г., вошла в сборник «Укреп» (Пг., 1916).

⁴ В начале декабря у Ремизова случился травматический неврит локтевого нерва. О своей болезни он упоминал и в письме к М. О. Гершензону от 17 декабря 1911 г. См.: Из архива М. О. Гершензона. I. Письма А. М. Ремизова (1905—1922) / Публ. Т. М. Макогоненко // Рска времси. М., 1995. Кн. 3. С. 164.

22. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

28 Дек<абря 1911>¹

Дорогой Алексей Михайлович.

В суеде отъезда положительно не успел зайти еще раз к вам. Голубчик, не откажите хоть изредка извещать о здорории Сераф<имы> Павл<овны>.

Мой адрес:

Mr. Dmitri Philosophoff.

11bis, Avenue Mercédès. Paris, XVIIe. France.

Теперь вот что: Руманов очень просит Вас зайти к нему, в ближайшие дни от 7 до 9. Мне кажется, Вам важно войти с ним в непосредственные отношения.²

Нежно обнимаю дорогую Серафиму Павловну, поклонюсь от нее Парижу.³

Ваш Д. Ф.

¹ Письмо датируется по содержанию.

² *Руманов Аркадий Вениаминович* (1878—1960) — журналист, юрист, меценат, коллекционер, заведовал петербургским отделением газеты «Русское слово». См. о нем публикации Е. П. Яковлевой: «Аркадий Руманов — забытое имя?» (Русские евреи во Франции. Статьи, публ., мемуары и эссе. Кн. 1. Журнал в книге. Иерусалим, 2001. С. 162—176); «Автографы поэтов Русского Зарубежья из частного парижского собрания» (Зарубежная Россия: 1917—1939. СПб., 2003. Кн. 2. С. 300—305; совместно с Д. А. Румановым); «Аркадий Руманов и братья Оцупы» (Там же. С. 305—312). Общенье Руманова и Ремизова, очевидно, началось в январе 1912 г. о чем свидетельствуют и сохранившиеся письма (ОР РНБ, ф. 634, № 188; РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 176), первое из которых датировано 1 (14) февраля 1912 г. См.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. С. 206, а также: *Яковлева Е. П.* «...Душевно Ваш Д. Философов» (Письма Д. В. Философова к А. В. Руманову 1911—1913 гг.) // Философовские чтения: Сборник материалов... С. 163—178).

³ Ремизовы были в Париже весной 1911 г. (с 22 апреля по 22 июня).

23. Д. В. Философов — Ремизовым

<23 октября 1912>¹

Дорогие и досточтимые Алексей Михайлович
и Серафима Павловна.

Вам небезызвестно, что 26 сего октября, день св. Дмитрия Солунского. Почтительно Вас прошу пожаловать на чашку чая к 9 1/2 ч<асам>.

Назначаю столь поздний час, чтобы не повторилась история с именинами Зин<аиды> Ник<олаевны>, т<о> е<сть> скука от «смешения».

Кроме вас будет только Блок.²

Накормлю холодным ужином

1) Студень из рыбы

2) Дичь

3) Компот

4) Фрукты.

Сласти, закуски. Вино белое.

Ваш Д. Ф.

¹ Датируется по содержанию.

² Ср. запись Блока в дневнике от 26 октября 1912 г.: «Поздравлять с именинами Философова мы с Ремизовым не пошли, хотя давно решили и обговорили, какой нести пирог» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 169). О взаимоотношениях Философова и Блока см.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 272—291.

24. А. М. Ремизов — Д. В. Философову

26 окт<ября> 1913 г.

Дорогой Димитрий Владимирович!

Поздравляю с ангелом Вас, с именинами, и с именинником.

Димитрию Сергеевичу поздравление мое и поклон.

Уезжая из Карловых вод,¹ оставил письмо Вам *poste-restante*, да Анне Марковне² передал для Вас хрустальную пепельницу корзиночкой, с ушками, да еще две ручки французских — в Париже куплены были, одна червонная, а другая — лиловая.

О Вашей болезни слышал от Ариадны Владимировны,³ и потужил и пожелал скорейшего выздоровления.

О себе скажу, что все, благодаря Богу, хорошо было, а как вернулся домой, так и постигла напасть: сначала колит, потом тиф. Теперь ничего, в татара обратился,⁴ татаром хожу да чихаю, а особенно ничего нет, не жалуясь.

Ну, к Новому году мы все поправимся.

Посылаю Вам ложку от Троице-Сергия,⁵ сам купил — для моего Философова.

А. Ремизов.

¹ С 1 июля по 25 июля 1913 г. Ремизовы находились в Карлсбаде. См.: РО ИРЛИ, ф. 634, оп. 2, № 6, л. 1.

² Речь идет об *Анне Марковне Левиной* — жене Д. А. Левина.

³ *Тыркова Ариадна Владимировна* (1869—1962) — общественный деятель, член ЦК конституционно-демократической партии, прозаик, публицист, мемуарист. Ремизов посвятил ей немало теплых слов в воспоминаниях, полагая, что роль Тырковой в его «петербургской судьбе» не была случайной (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10. С. 195).

⁴ Подразумевается стрижка наголо.

25. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Воскр<есенье>. 2/15 марта <1914>¹

Дорогой Алексей Михайлович.

Пишу Вам из Парижа.

Дни неверные. То тепло и солнце, то серая осень.

Сидим мы притишившись, в щели.

Выходим днем, а все вечера дома.

В Ментону думаем ехать в субботу, или в Воскресенье.

В голове и на душе пусто. Точно после угара.

Ваш Д. Ф.

¹ Датируется по почтовому штемпелю: «Paris. Chopin. 10—3—14».

26. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

13 Дек<абря> 1914

Милый Алексей Михайлович.

Я все еще не «принял» редакторского стола, так как 1) № 10 (последний прежней редакции) еще не вышел,¹ 2) ремонтируются две редакторские комнатухи, предназначенные для меня, 3) только к понедельнику будет составлен подробный отчет, как обстоит «гонорарное» дело. Специальный секретарь приводит (вот уже неделю!) в порядок запутанное наследство Галича.²

Несколько мне известно, Ваши сказки были помещены в №№ 1, 2, 5 и 9. В 9^м сказка называется «Клад», (т<о> е<сть> поименованная Вами 6-м номером). В 5 — «Земные тайности» (такого названия в Вашем письме нет).³ №№ 1 и 2го журнала я даже в глаза не видал. Выходит, что было помещено уже 4 сказки, в запасе остается 2 (?).

Посылаю Вам корректуру «России в письмах».⁴ (Введение и 7 письмо) откровенно Вам скажу, я бы их не печатал. Им место в Русск<ом> Архиве,⁵ Старине,⁶ даже не в *Истор<ическом> В<естнике>*.⁷ В Голосе жизни им совершенно не место, тем более, что писать о нашествии галлов, когда даже рождеств<енский> молебен отменен — довольно неловко.⁸ Но напечатать их *могу* во исполнение обязательства, принятого Галичем. Я предполагаю устроить дело иначе. Думаю, ликвидировать Ваш гонорар (200 р<ублей>) не построчно, а поштучно, т<о> е<сть>, мол, двести рублей уплочено не в сказки, т<о> е<сть> по 33 1/3 р<ублей> за сказку. А письма останутся «неоплаченные», в запасе. Таким образом, новые вещи подлежат *новому* гонорару вне тех 200 рублей. Но для него мне нужно переговорить с «Азиатом»⁹ и получить от Вас новый материал.

Очень бы вас просил написать мне письмо такой редакции, чтобы я мог его показать издателю: «Дорогой Д<митрий> В<ладимирович>. Пришлю Вам то-то и то-то. Гонорар такой-то». Впрочем, предупреждаю Вас, что больше 25 коп<еек> я платить не буду. Галич что делал: рассовывал авансы, платил Сологубу 50 к<опеек>!!, а рядом помещал неоплаченную дрянь. Потому журнала не было, а была обложка, под которой иногда попадались приличные вещи.

Душевно Ваш Д. Ф.

Р. С. Сообщите мне список напечатанных сказок и оставшихся не напечатанными.

¹ Речь идет о принадлежавшем акционерному обществу издательства А. А. Каспари журнале «Голос жизни», в котором Философов в конце 1914 г. занял должность главного редактора. Ср. письмо Философова к Сологубу от 18 декабря 1914 г.: «Многоуважаемый Федор Кузмич, Вы, вероятно, слышали, что я приступаю к редактированию журнала „Голос жизни“. <...> Журнал будет скромный, демократический, и *внелитературный* даже в чисто литературном смысле» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 708, л. 14—14 об.). Журнал прекратил свое существование в августе 1915 г. в связи с уходом Философова, рассорившегося с издателем.

² Подразумевается предшествующий редактор журнала «Голос жизни» публицист, критик Леонид Евгеньевич Галич (наст. фам. Габрилович; 1878—1953).

³ Название цикла сказок, вошедших в полном составе в сб. «Укреп» (Пг., 1916).

⁴ Речь идет об очерках Ремизова, основанных на документах бытовой и деловой русской письменной культуры. Впоследствии Ремизов собрал их в книгу «Россия в письменах» (М.; Берлин, 1922. Т. 1). В журнале «Голос жизни» ни один из очерков не был напечатан.

⁵ Журнал «Русский архив» выходил в Москве в 1901—1916 гг.

⁶ Ежемесячное историческое издание «Русская старина» выходило в 1901—1916 гг. в СПб.

⁷ «Исторический вестник» — историко-литературный журнал, который выходил в СПб. в 1901—1916 гг.

⁸ Речь идет о распоряжении Святейшего Синода об отмене в 1914 г. «молебного пения» по случаю избавления Отечества в 1812 году от нашествия галлов и с ними «двадцати язык» <так!>, традиционно исполняемого на церковной праздничной службе в Рождество Христово. Подробнее см.: *Гринякин Н.* Под огнем и мечом // Колокол. 1914. 21 дек. № 2591. С. 1; а также: По поводу «Рождественского молебна» (Письма в Редакцию) // Колокол. 1914. 24 дек. № 2593. С. 3.

⁹ Возможно, имеется в виду издатель «Голоса жизни» — А. А. Каспари.

27. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Алексей Михайлович!

Когда пришлете бурятскую сказку?¹
Как решилось с Серафимой Павловной?

Ваш Д. Ф.

7. I. 915.

¹ Речь идет о сказке «Яйцо ягиное», источником которой послужила сказка «Балдам-пахал и Арьяндива». Ее запись Ремизов нашел в книге А. Д. Руднева «Хори-бурятский говор (Опыт исследования, тексты, перевод и примечания)» (СПб., 1913—1914. Вып. 3: Перевод и примечания. С. 74—77; Сер. «Издания Факультета Восточных языков Императорского С.-Петербургского Университета». № 42. Вып. 3).

28. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

11 марта <1915>¹

Дорогой Алексей Михайлович.

«Яйцо ягиное» идет в № 12 (18 марта). «На все Господь» — в № 13 (пасхальном). Гонорар уплачу до Пасхи.² Точно не знаю день, но в самом непродолжительном — тяжком времени. Дело в том, что издатель кобенится и уверяет, что за Вами еще есть «аванс» (со времен Галича). Но не беспокойтесь. Я его переупрямлю.

Душевно Ваш Д. Философов.

¹ Датируется по почтовому штемпелю открытого письма.

² Среди писем Философова к Ремизову (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 220) имеется уведомление на имя Ремизова на почтовой карточке редакции журнала «Голос жизни» от 18 марта 1915 г., заполненное рукой Философова: «М. Г. Редакция журнала „Голос Жизни“ имеет честь уведомить Вас, что Ваши сказки помещены в № 4, 12, 13 журнала. Причитающийся Вам гонорар в размере 94 р. 80 к. (по 25 коп. за строку) можно получить в четверг 19го от 10 ч. до 4-х в конторе издательства А. А. Каспари, Лиговская ул., № 114 лично или через доверенность. Редакция».

29. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Дорогой Алексей Михайлович.

<28 марта 1915 г.>¹

Кострома — Вам.

Яичко — Серафиме.

Солонка обоим, «в хозяйство».

Ваш Д. Ф.

Великая Суббота 1915 г.

¹ Датируется по содержанию.

30. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

5 окт<ября> <1>915 г.¹

Дорогой Алексей Михайлович.

Сегодня день Вашего ангела.² Всем нам тяжело и трудно, а все-таки Вы именинник!

Посылаю Вам маленький подарок: золотую чашку! Пейте из нее чай, хотя бы без сахара, и вспоминайте меня. Серафиму обнимаю.

Не знаю, как все устроится, но все-таки надеюсь, что «мы еще повоюем», что еще приду я к вам, посижу за самоварчиком и попьем мы чайку вместе.

Любящий Вас, старый друг Д. Философов.

Р. С. Дала ли Вам А. В. Тыркова экземпляр сборника?³ Если нет, я Вам пришлю.

Д. Ф.

¹ К письму прилагался конверт с надписью рукой Философова: «Имениннику, Алексею Ремизову, от любящего его Дмитрия Владимировича».

² 5 октября (ст. ст.) — день памяти святителей Петра, Алкссея, Ионы, Филиппа и Ермогена, Московских и всяя России чудотворцев.

³ Речь идет о двухтомнике, посвященном А. П. Философовой — матери Д. В. Философова (СПб., 1915), состоявшем из книги А. В. Тырковой «Анна Павловна и ее время» и сборника документов и статей о семье А. П. Философовой, а также материалам о ее похоронах.

31. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

4/1 Янв<аря> <1>916

Дорогой Алексей Михайлович.

Пусть Замятин позвонит в ред<акцию> «Современного Слова» и спросит Максима Ипполитовича Ганфмана.¹ Его рассказ, кажется, не отвергнут, но его почему-то не хотели помещать в Рожд<ественский> номер.² Я — почти болен. В конце захворал (печень). 1 янв<аря> провалился. Сегодня ничего. Обнимаю Серафиму. И зачем Вы так далеко живете!!

Ваш Д. Ф.

¹ *Ганфман Максим Ипполитович* (псевд. Ипполитов; 1873—1934) — адвокат, журналист, являлся одним из редакторов-издателей петроградской ежедневной газеты «Современное слово», которая выходила с сентября 1907 по август 1918 г. и держалась, по определению редакторов, «беспартийно-демократических» позиций.

² В «Соврсменном словес» в начале января 1916 г. рассказы Замятина не публиковались.

32. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Дорогой Алексей Михайлович.

Видит Бог, ничего не могу сделать для вашего брата. Никаких у меня туда ходов нет...¹

Чувствую себя *очень* худо. Не знаю, как доеду. Еду в Эссендуки. Обнимаю Серафиму.

Ваш Д. Философов.

1 мая <1916 г.>²

¹ Речь идет о ходатайстве за *Виктора Михайловича Ремизова* (1876—1919), который в июле 1914 г. был призван в армию. В феврале 1916 г. он серьезно заболел, однако после проведен-

ных пяти недель в военном госпитале и отпуска, данного по состоянию здоровья, так и не был демобилизован и в апреле 1916 г. был вынужден вернуться в расположение своей части, дислоцированной в Хотине. С аналогичной просьбой Ремизов обращался к А. А. Блоку. В письме от 5—6 июня 1916 г. он прилагал все необходимые сведения о брате. См.: Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 121—122.

² Датируется по почтовому штампу.

33. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

Сергиевская 83 кв. 17.
12 Янв<аря> <1>917 г.

Дорогие Алексей Михайлович и Серафима Павловна.

В Воскресение будет ровно 7 недель, что я лежу! С 27 ноября! То лучше, то хуже. У меня воспаление почечных лоханок.

На днях перечитывал *Сны* Ал<ексея> М<ихайлови>ча.¹ И многое вспомнилось. У меня до сих пор живо хорошее, любовное отношение к вам, но война меня замучила, а нынче и совсем прихлопнула. За всю свою жизнь я не припомню такого тяжелого времени в своей жизни, как последние 6—7 месяцев. И я вас не забыл, а внешне отошел в сторону.

Как-то вы живете? Боюсь, что плохо! Если дадите о себе весточку, буду очень благодарен.

Христос с вами обоими.

Д. Философов.

Р. С. Мережковские — в Кисловодске. Приезжают 20го Янв<аря>. Очень я по им соскучился.

¹ «Сны» Ремизова печатались в составе циклов «Бедовая доля» («Рассказы», 1910), «С очей на очи» («Подорожис», 1913) «Кузовок» («Весеннее порошье», 1915). Философов посвятил циклу «Бедовая доля» статью «Сны» в сборнике «Старое и новое» (М., 1912. С. 22—28).

34. А. М. Ремизов — Д. В. Философову

14 I 1917

В. О. 14 л<иния> 31, кв. 48
во дворе. 209—69

Дорогой Димитрий Владимирович!

Узнал о Вашей болезни 12-го, а вчера письмо от Вас. По соседству с Вами есть очень хороший доктор, который лечил меня от колита, а Серафиму Павловну от холецистита — доктор прив<ат> доц<ент> М<едицинской> А<кадемии> Сергей Михайлович Поггенполь¹ (ординатор Сиротинина).² Преображенская, 13. 4—69—19. Звонить к нему, ч<то>б<ы> условиться, надо или утром в 8 ч<асов>, или в 6-ть вечера.

Доктор молодой, точный необыкновенно: назначить час, он в этот час и придет.

К нам на В<асильевский> О<стров> ему трудно, все-таки поехал, когда захворала Серафима Павловна: без меня случился с ней припадок.

44 дня и 44 ночи просидел я в клинике между Сыпным и Тифозным, свидетельствуя смерти человеческие.³ И сам в конце концов захворал восп<алением> толст<ой> киш<ки> и едва-едва дотянул до срока.

Потом прошел все ратное хождение по мукам, когда обращается человек в бесслов<есного> скота.

Прошел две комиссии и опять заключен был в госпиталь, да меня и выпустили после комиссии ученой.

Отчислили меня из ополчения по ст<атье> 65 А.

(хронический гастрит, хронический колит).

И по ст<атье> 37 (острота зрен<ия> = 0, 02 при 11 Д стекла № 3).

И не надо было меня так долго мерить, вешать, выкачивать. —

Все дело в том, что по совести не думали, что я действительно совсем негодный.

Но я многое мог бы претерпеть, одно было очень тяжело: болезнь Серафимы Павловны. Лежала она совсем одна, прислуга ушла. Все заняты, всем некогда. Не дай Бог!

Кончились мои мытарства 28 дек<абря>.⁴

Совсем я разбитый. И не могу наладиться.

Я к Вам пришел бы, Димитрий Владимирович, только когда и в какой час?

Ну, поправляйтесь, нехорошо.

А. Ремизов.

Кланяется Серафима Павловна Вам.

¹ Воспоминания о докторе *Сергее Михайловиче Поггенполе* (?—1919) Ремизов сохранил в очерке «Три могилы»: «Точный и верный, знающий и любящий свое дело, железный, вот какой он был...» (Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 72).

² *Сиротинин Василий Николаевич* — лейб-медик, тайный советник, академик, заслуженный профессор медицины.

³ Ср. главы книги «Взвихренная Русь» (1927) «По ратным мукам» и «Между сыпным и тифозным», описывающие пребывание Ремизова в военном госпитале (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5. С. 18—26).

⁴ Билет, временно освобождающий Ремизова от военной службы, был выдан ему 28 декабря 1916 г.

35. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

11/24/IV/<1 >918

Дорогой Алексей Михайлович.

Посылаю Вам вашу рукопись. Очень прошу первых 16 строк не печатать. Очень они для меня ценны, но слишком интимны.¹

1) Елисавет Филозофова — Елизавета Ксенофонтовна (рожд^{енная} Елагина). Ее муж² был сыном Дмитрия Ивановича, первого владельца Богдановского,³ взятого в приданое в царств^{ование} Петра I, за женой, рожд^{енной} Монастыревой.⁴ Жалованная грамота, времени Федора Алексеевича, дана на имя Монастыревых (большинство двор^{яных} имений псковск^{ой} губ^{ернии} этого времени). Сами Филозофовы — исконно-московские, и вологодские.

2) Письмо деда моего,⁵ от 1837 года — лживое. Он был великий мастер писать высокопарные письма и преувеличивать свои доблести. Он ни черта не делал в качестве уездного предводителя Новоржевского уезда (37 в^{ерст} от Богдановского) с семьей не расставался, а просто самодурничал и ссорился с помещиками.⁶ Да и делать было нечего, так как должность уездного предво^{дителя} стала серьезной администр^{ативной} функцией лишь со времен Ал^{ександра} II. Письмо же его имеет совершенно определенную цель: Алексей Иларионович <так!> был в то время генерал-адъютантом, близким лицом к Никол^{аю} Павл^{овичу}.⁷ Он вместе с государем был на Сенной площади, при холерном бунте.⁸ Впоследствии воспитывал Великих князей. Об этом есть в книге о маме.⁹ Дмитр^{ий} Никол^{аевич} обиделся, что сыновья Лариона <так!> Никитича¹⁰ не отдали ему визита. Вот «обиняками» и пожаловался. Вообще был великий подлец, не тем будь помянут.

Николай Дмитриевич и Елизавета Ксенофонтована погребены в склепе под Бежаницким храмом, который они выстроили в 1793 г. (снимки смотри в книге о маме).¹¹

Простите, что разболтался. У меня нет дворянских и родослов^{ных} замашек, но я люблю «родовую старину», честное слово, бескорыстно.

Нежно обнимаю Серафиму Павловну.

Душевно Ваш

Д. Филозофов.

P. S. Если это будет напечатано, подарите мне оттиск, хотя не понимаю, кому это кроме нас с Вами интересно?

Вся земля Богдановского захвачена. Парк пока оставили и дом еще не разграбили. Брат (владелец) уехал в Смоленск.¹² А то там многих помещиков (все больше родстве^{нников}) убили. Я «отказался» от Богд^{ановско}го — давно. Чужало мое сердце не доброе. В последний раз был там в 1913 году.

¹ Речь идет о рассказе, по всей видимости, так и оставшемся неопубликованным.

² *Филозофов Николай Дмитриевич* — помещик Новоржевского уезда Псковской губ.

³ Речь идет о фамильном имени Филозофовых в Бежаницкой волости Псковской губернии. Подробн^{ее} см.: *Солодов П. В.* Бежаницы: историко-географический очерк. Псков, 1998; «Усадьбы старые таинственной Руси»: Старинные русские усадьбы Бежаницкого района и их владельцы. Великие Луки, 2004. С. 1—22.

⁴ Речь идет о *Степаниде Гавриловне Монастыревой*.

⁵ *Филозофов Дмитрий Николаевич* (1789—1862).

⁶ См.: Сборник памяти Анны Павловны Филозофовой. Пг., 1915. Т. 1. *Тыркова А. В.* Анна Павловна Филозофова и ее время. С. 16—36 (гл. «Богдановский феодал»).

⁷ *Философов Алексей Илларионович* (1799—1874) — генерал от артиллерии, участник ту-русской кампании 1827—1828 гг.; адъютант вел. кн. Михаила Михайловича. В 1838 г. был назначен в воспитатели к вел. кн. Николаю и Михаилу Николаевичам.

⁸ Речь идет о массовом волнении горожан, крестьян и солдат, произошедшем 21 июня 1831 г. в Петербурге на Сенной площади во время эпидемии холеры и жестоко подавленном войсками.

⁹ См.: Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Т. 1. С. 17, 25, 26.

¹⁰ *Философов Илларион Никитич* (ум. в 1830-х) — надворный советник, предводитель дворянства в Новой Ладого в 1810 г.; имел четверых детей: Алесксея (см. примеч. 7), Николая и сестер-близнецов — Наталью и Екатерину.

¹¹ См.: Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Пг., 1915. Т. 2. С. 144—145.

¹² После октября 1917 г. В. В. Философов переехал в Смоленск, где служил в библиотеке, затем, эмигрировав во Францию, работал хранителем Версальского музея.

36. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

17/30/IV/ <1 >918¹

Дорогой Алексей Михайлович.

Вручите подателю сего рукопись для пасхального номера.²
Душевно Ваш

Д. Философов.

¹ На бланке газеты «Речь».

² Подразумевается ремизовский текст «Золотое подорожие. Электрорумовые пластинки», опубликованный в праздничном номере газеты «Наш век» (1918. 4 мая. № 89. С. 4). Газета «Речь», закрывая новыми властями 26 октября (8 ноября) 1917 г., продолжала выходить под разными названиями: «Наша речь», «Свободная речь», «Новая речь», «Век», «Наш век»; последний номер вышел 3 августа 1918 г.

37. Д. В. Философов — А. М. Ремизову

6^e окт<ября> <1918?>

Дорогой Алексей Михайлович.

Вот что могу Вам сообщить о Галичине.

1) *Де Воллан*. Угро-русские народные песни (СПб. 1895. XIII т. *Записок Геогр<афического> Общ<ества>*).¹

2) *В. В. Макушев*. Южно-русские сказания по рукописи библиотечки Оссолинских во Львове (*Журн<ал> Мин<истерства> Нар<одного> пр<освещения>*). 1881. № 9).²

3) *Я. Ф. Головацкий*. Народные песни Галицкой и Угорской Руси (*Чтения Моск<овского> общ<ества> любит<елей> писм<енности>*). 1865—1878).³

4) Киевская старина.⁴

5) Записки наукового товариства імени Шевченка (Львов)⁵ получить можно через контору Літературно-наукового Вістника. Київ. Прорезная 20 (отд<еление> конторы — у Корбовникова).

Но всего лучше, если Вы непосредственно обратитесь к сыну историка Грушевского. Он живет в Петербурге, приват-доцент унив<ерсите>та, *специалист по украинской литературе*.⁶

Зовут его Александр Сергеевич. Лиговский пер., 4, тел<ефон> 176—48.

Это мне сказал *Карташев*. Не знаю, здесь ли только Грушевский! Справьтесь! Если его нет, то сходите в Публичн<ую> библиотеку, от 12 до 3, в богословск<ое> отделение, к Карташеву,⁷ он Вас познакомит с <1 нрзб.>.

Ваш Д. Ф.

Простите, что замедлил! Еще в Пятн<ицу> вечером все это узнал, но некогда было написать.

Серафимушку обнимаю нежно.

Д. Ф.

¹ См.: *Воллан Г. А. де*. Угро-русские народные песни // Записки Русского географического общества (По отделению этнографии). СПб., 1885. Т. 13. Вып. 1.

² См.: *Макушев В.* Южно-Русские сказания по рукописи библиотеки Оссолинских во Львове // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1881. Сентябрь. С. 94—112.

³ См.: *Головацкий Я. Ф.* Народные песни Галицкой и Угорской Руси // Общество истории и древностей российских. М. Кн. 1. 1863—1867; 1870—1871; Кн. 2. 1871—1872; 1876—1877.

⁴ Ежемесячный исторический журнал, выходивший в Киеве с января 1882 г. по сентябрь 1906 г. (всего 94 тома).

⁵ Издание выходило в 1892—1937 гг.

⁶ Речь идет об историке, архивисте *Александре Сергеевиче Грушевском* (1877—1943), сыне историка, этнографа и педагога Сергея Федоровича Грушевского (1833—1901).

⁷ С 1912 по 1917 г. А. В. Карташев возглавлял Отделение богословия Публичной библиотеки.

38. А. М. Ремизов — Д. В. Философову

31.VII. 1919¹

Дорогой Димитрий Владимирович!

Посылаю Вам документ из старины философской, когда Философовы через Θ-ту писались² и жил-был на белом свете подканцелярист Сергей Пантелеев.

Этот документ 1779-го года взят мною из архива сельца Загвоздья Философовых.³ Присоедините его к письмам. Он должен быть в архиве Вашего рода — Ваших Философовых, а не тех.

Разобрал я архив с. Загвоздья, написал реестр Документов тысяча сто и один (1101).

1763—1845, 1873, 1884.

Среди них писем 1051 письмо.

Разделил на 27 связок.

Каждое письмо в отдельный листок вложил и передаю реестр Якову Петровичу Гребенщикovu для показания.⁴

Письма относятся к Петербургу — жизни петербургской и, конечно, к Загвоздью.

Место этого архива в Петербурге.⁵

Гребенщикова и прошу устроить его — не согласятся ли в Публичную библиотеку.

Посылаю копию документа, прочитайте и мне верните — я присоединю к копии писем, которые у Вас <взял?> для своей «России в письменах».⁶

Всего вам хорошего,
Димитрий Владимирович.

Алексей Ремизов.

¹ На бланке Народного комиссариата по просвещению. Театральный отдел. Репертуарная секция. С мая 1918 по ноябрь 1919 г. Ремизов служил в историко-театральной репертуарной секции петроградского отделения ТЕО Наркомпроса, в ведении которой был отбор и рецензирование драматических произведений для постановки на сцене государственных театров.

² Род Философовых вел свое начало от Марка Македонина Философа, приехавшего на Русь во времена Владимира Святого вместе с греческими послами. В начале XX в. в родословной таблице Философовых значилось 145 имен.

³ Именис «Загвоздь» было построено на землях, полученных Философовыми в Обонжской пятине Новгородской земли в середине XVI в. См.: *Игнатенко В. Ф.* Философовы в Новолодожском уезде // Философовские чтения. С. 12—26. Очевидно, речь идет о неизвестном фамильном документе живших в Загвоздье Анны Никитичны Философовой и ее брата Иллариона Никитича Философова, а также его жены Пелагии Алксеевны (в девичестве Барыковой) и их детей — близнецов Наталии и Екатерины Философовых. Все они упоминаются Ремизовым в очерке «Оракул. Географическое» («Пряник осиротевшим детям»). Сборник в пользу убежища общества Детская помощь. Пг., 1916). См. вступ. статью.

⁴ *Гребенщиков Яков Петрович* (1887—1935) — друг Ремизова, библиофил, сотрудник Санкт-Петербургской Публичной библиотеки. См. о нем: *Ремизов А.* Яков Петрович Гребенщиков. 1887—†1935 // *Последние новости*. 1935. 9 мая, № 5159; а также: *Суворова В. П.* Я. П. Гребенщиков — библиотekarь, библиофил, человек // *Книга: Исследования и материалы*. М., 1995. Кн. 70. С. 157—167; *Гребенщиков Яков Петрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь*. СПб., 1999. Т. 2. С. 211—214; *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 219—225.

⁵ Корпус документов, связанных с Философовыми, обосновавшимися в Новолодожском уезде, хранится в Российском государственном историческом архиве (ф. 1075, оп. 1), однако отыскать среди этих материалов следы ремизовской «архивной» обработки в настоящее время не представляется возможным.

⁶ О материалах из архива Философовых, предполагавшихся для второго тома «России в письменах», см. в статье А. д'Амслия «Книга без конца: „Россия в письменах”» (Алексей Ремизов: исследования и материалы. *Pietroburgo; Salerno*, 2003. С. 134—137).

Поздравляю Вас, дорогой Димитрий Владимирович,
с днем ангела.

Пишу изувеченный болями с отбитым нутром.

Был Сологуб, рассказывал о рукописях.²

Могу предложить в библиотеку рукопись Посолони,³ рукопись ненапечатанной повести моей — Ров львиный (1914—1917). 8 листов.⁴

Достану рукопись Крестовых сестер.⁵

Достану 2ое издание Пруда с вклеенными листами.⁶

Есть у меня письма Леонида Андреева,⁷ В. В. Розанова,⁸ Блока,⁹ Белого,¹⁰ Горького.¹¹

Алексей Ремизов.

¹ Датируется по содержанию.

² В тетради Ф. Сологуба «Записи о доходах за 1918—1919 гг.» зафиксировано, что в октябре 1919 г. он продал в Публичную библиотеку рукописи «Мелкого беса» за 1000 рублей и «Тяжелых снов» за 3000 рублей (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 181, л. 2об.). Продажа авторских рукописей была вынужденной мерой, спасающей от нищеты и голода. Ср. записи Ремизова осенью и в начале зимы 1919 г.: «Думал: подам прошение Совету Народных Комиссаров расстрелять меня как запаршивевшую собаку — все равно, ни толку от меня, ни пользы. Все мое время уходит на добычу, а венец дел — один раз в неделю пообедать»; «Ничего не пишу. Только старое, старое, старое, чтобы только как-нибудь прожить» (Ремизов А. Дневник 1917—1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова. Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. 16. С. 487—488).

³ Передача рукописи не состоялась. Сохранились отдельные автографы «Посолони», а также авторский макет шестого тома «Сочинений» (Сказки. СПб.: Шиповник, [1911]), собранный из печатных текстов ранних редакций, с многочисленной правкой и рукописными вставками автора, а также с корректорскими пометами, который в 1910-х гг. был передан Иванову-Разумнику (РО ИРЛИ, ф. 79). Подробнее см.: *Обатнина Е. Р. Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 13—14.*

⁴ Передача рукописи не состоялась. О рукописных источниках романа, имевшего также авторское название «Плачужная канава», см.: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 4. С. 526—529.*

⁵ Черновая и наборная рукописи повести «Крестовые сестры» (1910) были подарены Ремизовым Иванову-Разумнику (РО ИРЛИ, ф. 79).

⁶ Наборная рукопись третьей редакции романа «Пруд» (1902—1903, 1911) с многочисленной авторской правкой и обширными дополнениями в тексте и на вклеенных листах первоначально находилась в домашнем архиве Иванова-Разумника.

⁷ Речь идет о письме Л. Андреева 1903 г., которое было передано в Публичную библиотеку в 1920 г. в составе писем, собранных Ремизовым в сброшюрованный «Том первый» (см.: ОР РНБ, ф. 634, № 249, л. 35—36); опубликовано в статье А. Грачевой «Алексей Ремизов и Леонид Андреев (Введение к теме)» (Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 45). См. также «Рестр писем к А. Ремизову с 1902 года» (ОР РНБ, ф. 634, № 273).

⁸ Передача писем не состоялась. Письма Розанова были опубликованы Ремизовым в его книге «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923). Об истории создания книги и ее эпистолярных источниках см.: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 523—526.* В дневнике писателя сохранился также реестр составленных им томов корреспонденции, среди которых значится 17 писем Розанова. См.: *Ремизов А. М. Дневник 1917—1921. С. 499.*

⁹ См.: Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) // Александр Блок: Новые исследования и материалы. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 63—142. Письма Блока (как и всех других адресатов Ремизова) находились в составе альбомов писем, переданных писателем в Публичную библиотеку в 1920 г. В 1950-х гг. при обработке архива письма разных адресатов, собранные Ремизовым в отдельные тома в соответствии с единым хронологическим принципом, были расшиты, и из них образованы отдельные единицы хранения, объединяющие все именуемые письма одного адресата. Так в составе ф. 634 была сформирована ед. хр. № 61: «Письма А. А. Блока к Ремизову (24). 1905—1912».

¹⁰ 15 писем Андрея Белого к Ремизову за 1906—1917 гг. см.: ОР РНБ, ф. 634, № 57.

¹¹ Публикацию писем см.: Литературный современник. 1933. № 1. С. 151—152; а также: Горький М. Собр. соч. М., 1954. Т. 28. С. 377. См. также: Крюкова А. А. М. Горький и А. М. Ремизов (Переписка и вокруг нее) // Вопросы литературы. 1987. № 8. С. 192—212. Публикация в «Литературном современнике», осуществленная с личного разрешения Горького, сопровождалась послесловием писателя М. Э. Казакова, подписавшегося «Г. Г.»: «В период, когда было написано первое письмо, оба писателя находились в ссылке: Горький в Арзамасе, Ремизов в Вологде. Получив от Ремизова одно из первых его произведений (вероятно — «В плену»), Горький, очевидно, надеялся найти в нем призыв к революционной борьбе, обличение российских мерзостей крепостнического, полицейского строя. Оказалось, что повесть Ремизова не только не зовет на борьбу с врагом, но, возможно, порадует врага: „Ишь, мол, как мы тебя, прижали. Кричишь?” (Литературный современник. 1933. № 1. С. 152). В 1933 г. в эмигрантской прессе появилась заметка «Письма Горького к А. М. Ремизову»: «В Гос. публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина хранится архив А. М. Ремизова. Ныне из этого архива извлечены и напечатаны три письма М. Горького, относящиеся к 1902—1905 гг. Горький в своих письмах весьма резко отзываясь о произведениях молодого Ремизова, в частности о романе „Пруд”. Эти резкие отзывы, разумеется, несколько не могут задеть Ремизова. Зато они красноречиво свидетельствуют о бездарной тупости литературных суждений самого Горького, который требует от Ремизова „обличений”, „мести”, а не „узоров”, и боится, что писания Ремизова „не разбудят народ”. Вся эта чепуха дала повод лакействующему комментатору заявить, что Ремизов, „ныне находящийся в эмиграции, воспринявший октябрьскую революцию как погибель русской земли”, всегда был и остался „декадентом”, враждебным революции» (Гулливер <В. Ф. Ходасевич, Н. Н. Бсрберова>. Литературная летопись // Возрождение. 1933. № 2921. 30 июня. С. 4). В ремизовском альбоме «Мой петербургский архив», составленном в 1948 г. из писем к нему от разных лиц, а также газетных вырезок, публикация из газеты «Возрождение» сопровождалась комментарием: «В первую мою встречу с Горьким после 1906 г. — в 1919 первое слово Горького: „как ему стыдно, что он когда-то писал мне”» (Amherst. Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой). См. также очерк Ремизова «Три письма Горького» (1950), где в связи с письмами Горького дореволюционного периода упоминается и публикация Казакова: «Письма напечатаны в России в 1933 году без моих комментариев под общим редакционным: „как Горький своевременно шуганул Ремизова”. А взяты письма из моего многотомного рукописного архива (1902—1920), хранился в Гос. Публичной Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина» (Ремизов. А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 284). 28 марта 1936 г. три письма А. М. Горького к Ремизову, хранившиеся в РНБ, были переданы в Комиссию по литературному наследству Горького в Москву.

40. А. М. Ремизов — Д. В. Философову

Дорогой Димитрий Владимирович!

О «Пруде» еще раз написал Разумнику.¹

Понес письмо Петров Водкин Кузьма.² Прошу его прямо к Вам направить в Публ<ичную> библи<отеку>.

Посылаю два тома писем — 155 — и реестр, который буду продолжать по томам.

Хотел украсить собрание мое — нету Часов.³

К 1905 году есть у меня некая память, краткий временник — может, его приложить к письмам 1905.⁴

Есть у меня том карикатур на меня, не понадобится ли это добро.⁵ И есть мои картинки «война», «революция», «хождение по ратным мукам».⁶

1914 1917 1916

24 XI / 11 1919.

Алексей Ремизов.

I т. 1902—1903—1904 — 73

II т. 1905 — 82

III т. 1906 — 146

IV т. 1907 — 93

V т. 1908 — 100

VI т. 1909 — 69

VII т. 1910 — 103

VIII т. 1911 — 183

IX т. 1912 — 224

1073⁷

1071

¹ В ответ на просьбу Ремизова вернуть рукопись романа *Иванов-Разумник* (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946) писал 27 ноября 1919 г.: «Дорогой Алкссей Михайлович, мне приходится, в суете, поднимать такие Гималаи своего архива, что не мог доселе найти „Пруд“; переискал в четырех шкапах, значит он в пятом, и сегодня же всером я его раскопаю — и привезу с собой в Воскресенье 30/XI на открытое заседание нашей „Скифской Академии“» (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. зам. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. 2. С. 96). В 1920 г. рукопись была передана Ремизовым в Публичную библиотеку (ф. 634, № 5).

² *Петров-Водкин Кузьма Сергеевич* (1878—1939), — художник и прозаик.

³ Речь идет о рукописи романа «Чась» (1908).

⁴ Подразумывается дневник, который был положен в основу книги «Кукха. Розановы письма». См.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. С. 33—127.

⁵ Передача не состоялась.

⁶ Речь идет об альбоме с рисунками «Война» (1914—1916), который не был передан в Публичную библиотеку. В настоящее время он хранится в Государственном литературном музее (№ 59935А. 5593/1). Местонахождение альбомов «Революция» и «Хождение мое по ратным мукам», передача которых в Публичную библиотеку в 1920 г. также не состоялась, неизвестно. Вероятно, альбом «Хождение мое по ратным мукам» был создан в период с 24 октября по 6 декабря 1916 г., когда Ремизов, находясь в военном госпитале на обследовании, зарисовывал свои реальные впечатления о различных рецидивах жизни на фронте и в тылу. Об одной из таких рисованных «хроник» упоминает Е. Ф. Книпович: «...смотрела „Книгу мертвую“ — сборник лазаретных рисунков, когда он там лежал на испытании. Сборник всяческих бед, смерти, боли, страдания человеческого» (*Книпович Е.* Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 26). По-видимому, именно с этих трагедий в творчестве Ремизова утвердился жанр графического дневника, в эскизных рисунках фиксирующего острейшие жизненные переживания.

⁷ «Реестр писем к А. Ремизову с 1902 года», составленный Ремизовым для Публичной библиотеки 23 ноября 1919 г., см.: ОР РНБ, ф. 634, № 273.

Дорогой Димитрий Владимирович!

Посылаю Вам письма т. III — IX

1906—1912

на этих томах, на обложке, я переписываю карандашом № и К° документов.

Прошу вас, поставьте на I (1902—3—4): т. 1

73 п<исьма>

————— »————— II (1905)<:> т. 2

82 п<исьма>.

Прилагаю реестр писем, присоедините его к реестру т. I и II, оканчивающегося 7-ой страницей.

Буду продолжать регистрацию и доставлю Вам с 1913 по 1919 еще 6 томов.¹

Письма все просмотрены Серафимой Павловной.

Посылаю Вам «Пруд».

С кратким описанием истории его.

Этот Пруд я отдал когда-то Ив<анову>->Разумнику в его архив, теперь по всеобщему разорению принужден взять и передать для Публ<ичной>->биб<лиотеки>, если найдете его замечательным.

Алексей Ремизов.

¹ В реестре, составленном Ремизовым 3 марта 1920 г. в его Дневнике, значатся тома писем, охватывающих более значительный период времени: с 1902 по 1921 г. Однако при передаче в архив своих документов Ремизов изменил решение и отдал в Публичную библиотеку лишь материалы по 1912 г. включительно. Письма 1913—1921 гг. после отъезда Ремизова за границу поступили в Пушкинский Дом.

42. А. М. Ремизов — Д. В. Filosoфoвy

Дорогой Димитрий Владимирович!

Расскажу Вам историю Пруда моего. Помню, Вы первый откликнулись на него.

Пруд написан за зиму 1902—1903 г., в Вологде. Читал я его в первый раз у Агге Маделунга,¹ были слушатели:

Б. В. Савенков <так!— Е. О.> с Верой Глебовной, ур<ожденной> Успенской,² С. П. Довгелло, Ив. Пл. Каляев,³ П. Е. Щеголев, В. А. Жданов.⁴

Напечатан был Пруд в «Вопросах жизни» в 1905 г. — это первая редакция.

А до того времени — два года — ходил он по белу свету, был и у Куприна, и у Аничкова — под глазом П. Е. Щеголева.⁵

Много было хулителей и гонителей на эту книгу и долго издателя не мог найти (были и читатели верные — очень немного — и все-таки были: Варвара Дмитриевна Розанова, по ее собственному признанию 5 раз про-чла).⁶

В 1908 г. издал Пруд «Сириус» (С. Н. Тройницкий, А. А. Трубников) — это вторая редакция.

А третья редакция перед вами для Шиповника в Париже начата, а конец в Женеве. И правой и левой рукой.⁷

Принял о ту пору огненную муку — синяя висела у меня рука, как хвост, от ушиба — снился мне сон Иакова — поднялся я с болью и семь дней и семь ночей, свету не видя, мучался.

Вот три редакции, сейчас Пруд у З. И. Гржебина.

Не хотелось бы мне перепечатывать в 3-ей ред<акции>, а еще раз редактировать времени нет:

Культ мускулов!⁸
а во мне чуть душа держится —
Времени и нет

Алексей Ремизов.

5 XII 1919

н/с

¹ *Маделунг Аггей (Оге, Ааге) Андреевич* (1872—1949) — датский писатель. В начале 1900-х гг. был скупщиком и экспортером масла в Вологде; в последующие годы состоял в дружеской переписке с Ремизовым. См.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Сорснхаген, 1976. В Вологде ссыльные часто собирались в доме Маделунга. Об одной из таких встреч Ремизов вспоминал: «Помню один вечер — был Савинков, Щеголев, еще Жданов. Сидели, рассуждали — мирно шел разговор, только очень напряженно — Савинков тогда еще только готовился к подвигам своим, кипело. — И вдруг во время разговора хозяин наш ни с того, ни с чего вскочил на стол и, представляя коня, пустился по столу беситься, как настоящий стоялый жвьгтский конь» (*Ремизов А.* Крашенные рыла. Театр и книга. Берлин, 1922. С. 39).

² *Успенская Вера Глебовна* — дочь писателя Г. И. Успенского; жена В. Б. Савинкова, брак с которым распался в 1908 г. О вологодской ссылке см.: *Савинков Б. В.* Воспоминания // *Бы-лос.* 1917. № 1 (23). Июль. С. 149—150.

³ *Калыев Иван Платонович* (1877—1905) — революционер-террорист.

⁴ *Жданов Владимир Анатольевич* (1863—1932) — присяжный поверенный, за принадлежность к партии «Народное право» в 1895—1897 гг. находился в ссылке в Грязовце, после окончания срока проживал в Вологде под негласным надзором полиции. Об общем дружеском кру-ге см. также: *Ремизов А.* Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверсьн. М., 2002.

⁵ О том, что Щеголев в 1904 г. показывал «Пруд» А. И. Куприну и Е. В. Аничкову, Ремизов упоминает в комментариях к собственным письмам, адресованным жене. См.: *Ремизов А. М.* На вечерней заре // *Еурога Orientalis.* IV. С. 265. См. также: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Ще-голеву. Ч. II. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903—1904) / Публ. А. М. Грачсвой // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997.* СПб., 2002. С. 153—202.

⁶ Ср. комментарий Ремизова к письмам В. В. Розанова: «1905 г. в „Вопросах Жизни“ печатался мой роман „Пруд“. Встречен был не безразлично: очень ругали. Ни печататься — нового не принимают, ни издавать — все отказывают. Защитником моим была Варвара Дмитриевна Розанова: пять раз прочитала она „Пруд“ — и „ничего не поняла“. Так она с горечью призна-лась нам. А В. В. набросился на Пирожкова. Ругался. Но и это не проняло» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. С. 542). Та же подробность повторяется Ремизовым и в позднейших воспомина-ниях: «Варвара Дмитриевна Розанова читала мой „Пруд“ пять раз и „ничего не пони-

маю”, — она говорила со скорбью; она искренно хотела помочь мне» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 205).

⁷ Речь идет о работе над третьей редакцией романа «Пруд» для собрания сочинений писателя в издательстве «Шиповник» (СПб., 1911. Т. 4), которую Ремизов начал, находясь в Париже (май—июнь 1911 г.), и продолжил, переехав в Женеву, в июле. Работа была осложнена воспалением надкостницы правой руки. См.: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 92—96. Описание трех редакций романа см. также в статье Ремизова «О разных книгах»: Воля России. 1926. № 8/9. С. 231—232.

⁸ По-видимому, реакция на революционную пропаганду советской власти. В дневнике писателя этой фразой начинается запись от 3 декабря 1919 г. (Ремизов А. Дневник 1917—1921. С. 488).

43. Д. В. Философов — Ремизовым

14 Декабря 1921
Београд
Хотел Национал
Богојвленска ул.
Hôtel National
Belgrade
Jougoslavie

Дорогие друзья

Серафима Павловна и Алексей Михайлович.

Вот куда меня судьба занесла, надеюсь, на время.¹

Прочел я Ваш фельетон о Блоке,² А<лексей> М<ихайлович>, и захотелось Вам написать. О Вашем приезде в Европу я прочел давно, но не знал вашего адреса.³ Теперь же знаю, что вы осели в Берлине, и рискую написать на редакцию «Руля».⁴

Не знаешь, с чего начать. Ведь в последний раз мы с вами виделись <в> Публ<ичной> Библиотеке,⁵ в Декабре 19го года, незадолго до нашего побега (24 дек<абря> 1919 г<ода>). Ровно два <года> и каких. Кое-что, впрочем, вы обо мне слышали, чуть ли не даже от Мережковских. Помню, я даже немножко на вас обиделся, что вы мне не написали в Варшаву.

Из Варшавы я выехал 3го ноября, после почти полугодового там сидения. Выхал в Прагу, где был вместе с Б<орисом> В<икторовичем>.⁶

23го я, вместе с А. А. Деренталем,⁷ двинулся из Праги сюда, а он отправился в Париж, где ныне и находится (если не уехал в Лондон). Недели через три-четыре с ним встретимся, еще не знаю, впрочем, где. Куда двинемся дальше — зависит от очень многих обстоятельств. Таковы внешние планы.

Внутренние же планы — мечты о падении «существующего строя». Я не знаю, что вы уже слышали о нашей группе, под председательством Б<ориса> В<икторовича>.⁸ Полагаю, ничего, кроме дурного, потому что ровно полтора года, как мы работаем вместе, и ровно полтора года, как нас травят. Надо одно сказать, что антипатия взаимная. У меня выработалось очень жесткое мнение о нынешней эмиграции всех толков: будь то Париж, где сидят суесящиеся тузы, крайне занятые резолюциями, комитетами и жалованьями, будь то Прага, где недавно еще царил милейший Саша

Кер<енский>,⁹ будь то Белград, где Родзянку и Челнокова бойкотируют,¹⁰ как красные, будь то Берлин, где я не был, но где мне эмиграция кажется наиболее чуждой: смешение Рейхенгольда¹¹ с еврейскими спекулянтами, явное соглашательство прав<ительст>ва с большевиками, и «культурная работа» нашей братии с «аполитичными» журналами и «Жар-Птицей».¹²

Не осуждаю — пить-есть надо. Но все-таки отвратительно. При царском режиме — время шло медленно, отсутствие из России в течение трех лет — не отрывало от нее. Теперь время бежит сумасшедше, Россия меняется, и мне кажется, что все мы, эмигранты, *уже* потеряли связь с Россией, почти чужие для нее. Что, например, сказать о наших заграничных дипломатах, которые покинули Россию *до* войны, сидят теперь в Париже, Варшаве, Праге, Белграде и по-своему вершат дела эмиграции и России. Не знаю, что будет с Россией. Твердо верю, что Бог спасет ее, и никакие Эйнштейны (или как они там зовутся) со своими новыми теориями «релятивизма» (!!) не убедят меня, что нет абсолютных ценностей. Но так же твердо знаю, что строить новую Россию нынешняя эмиграция не будет. Будущая Россия изрыгнет ее, как инородное, непереваренное тело. Никого так не ненавижу, как наших коммунистов, но они правы, когда не считают-ся с эмиграцией...

С Мережковскими мы расстались больше года.¹³ Они уехали из грязной, тяжелой, неудобной Варшавы. Их потянуло в Европу, к «культуре и цивилизации», как будто старая Европа сохранилась. В дек<абре> 1920го г<ода> я был в Париже, видел их. Они тоскуют, мнутяся. Теперь, кажется, несколько успокоились. Налет отмеченной эмиграции сказался, по-моему, и на их «ликке». Книга, изданная ими (при моем символич<еском> участии), мне кажется ненужной.¹⁴ Но опять-таки не сужу. Всем трудно, все заблудились, растерялись...

Про себя скажу, что оплакиваю Варшаву, испытываю большое горе, что пришлось ее покинуть. Там сплошная граница с Россией, в 1000 верст, и в границе было много рам выколочено. Через разбитые рамы неся русский воздух. Иногда смердящий, иногда морозно чистый. Но главное — русский. В Париже и здесь подлинной России, сегодняшней, и не чувствуешь.

Стар я стал очень, дорогие мои. Не только душевно, но и физически. Жду покоя. Последнего. Но Бог не берет. Значит, должен еще идти по страдному пути.

Белград напоминает Харьков, к которому «припущен» Пятигорск (типы в фесках и всяческие албанцы). Русский шрифт на вывесках еще больше дает иллюзию русского провинц<иального> города. Но, Боже, какая провинция! Холод стоит собачий, но вместо печей железн<ые> печурки без заслонок. Кажется, что сидишь в теплушке. Адская жара, а ночи холодные. Но народ здоровый, рослый. Человеческий материал великолепный. Лучше *еще* дикие здоровяки, нежели *одичавшие* европейские сифилитики. В конце концов, ведь над всем восторжествовал *негр*. Ну, уж, и еда тут! Несовместимое. Я просто не знаю, что и есть. Жир — с перцем. Перец сыпят ложками. Если сразу <не> слопаешь, что тебе дали — блюдо сейчас же по-

крывается коркой застывшего сала. Зато местное вино в графинах очень симпатичное. Особенно «црно ви́но».

В Праге мы все говорили «просим» и ели «полевки». Здесь говорят «мо́лим» и едят «горбу». Кстати, в Праге *свежий* хлеб называется *черствый*. Музыка — «худьба», а театр — «дйвадло». Тут театр — «позориште». Дом — «куча», мужчина — *самец*, а комната — *соба*. В газетах объявление: «соба для самца». Да, не думал, не гадал, что на старости лет перевидаю столько «братьев-славян». Католичество здесь очень сильно, православие уже ничтожно. В Белгр<аде> три церкви, и то жалкие. И опять-таки не знаю: *еще* не существует православие или *уже* не сущ<ествует>. Ну, довольно. Дайте весточку.

Христос с вами.

Д. Философов.

Р. С. Александр Аркадьевич Деренталь послал в «Грани» предложение издать сборник своих рассказов. Милый А<лексей> М<ихайлович>, справьтесь и окажите протекцию, чем очень обяжете. Он человек не бездарный, и рассказы его вполне литературные.¹⁵

Д. Ф.

¹ Временное нахождение Д. В. Философова в Белград было, очевидно, связано с усилиями по консолидации антибольшевистских сил вокруг организованного Савинковым «Русского политического комитета».

² Речь идет об очерке «Из огненной России (Памяти Блока)», который был опубликован впервые в парижской газете «Последние новости» (1921. 2 дек. № 500. С. 2—3) с указанием места и даты написания: «Берлин, 7 ноября 1921 г.».

³ О местонахождении Ремизова после его отъезда из Петрограда 5 августа 1921 г. сообщил выходивший в Берлине журнал «Русская книга»: «А. М. Ремизов, выехал из Петербурга за границу и находится сейчас с женою в Ревеле (Poskastr. 15). Хлопочет о визе в Берлин» (1921. Июль—август. № 7—8. С. 27). В начале сентября 1921 г. берлинская газета «Руль» информировала: «По ходатайству правления союза русских журналистов и литераторов в Германии, германское министерство иностранных дел разрешило въезд в Германию находящемуся в Ревеле, недавно бсжавшему из России писателю А. М. Ремизову» (1921. 5 сент. № 252. С. 5).

⁴ Крупнейший печатный орган русской эмиграции ежедневная газета «Руль» начала выходить в ноябре 1920 г. под редакцией И. В. Гессена, А. И. Каминки и В. Д. Набокова и просуществовала до октября 1931 г.

⁵ До своего бегства из России Философов служил библиотекарем в Публичной библиотеке.

⁶ После неудачного похода армии генерала С. Н. Булак-Булаховича на Москву принимавший участие в военных действиях Савинков, под давлением польских властей, был вынужден оставить Польшу.

⁷ *Дикгоф Александр Аркадьевич* (псевд. А. Деренталь; 1855—1939) — политический деятель, публицист, беллетрист; с 1918 г. ближайший помощник Б. В. Савинкова, в 1920—1924 гг. постоянный автор рассказов и фельетонов в редактируемой Философовым газете «Свобода» («За свободу!»), журналов «Грядущая Россия», «На чужой стороне» и др.

⁸ Речь идет о «Русском политическом комитете». Б. В. Савинков приехал в Варшаву в январе 1920 г. после подавления организованных им антибольшевистских восстаний в Ярославле, Рыбинске и Муроме и разгрома армии Колчака. Здесь, сблизившись с Мерезжковскими и Философовым, при содействии маршала Й. Пилсудского создал из бывших военнопленных «третью армию» — «Русский политический комитет» (или «Русский эвакуационный комитет»), назначив председателем Д. В. Философова. Подробнее см.: *Дюррант С.* По материалам архива Д. В. Философова // *Лица. Биографический альманах.* М.; СПб., 1994. 5. С. 451—455). Од-

нако после ликвидации РПК 7 октября 1921 г. и несмотря на высылку из Польши большинства его членов, Философов оставался в Варшаве, и, по-видимому, его пребывание в Белграде было командировкой, связанной с антибольшевистской деятельностью.

⁹ Керенский Александр Федорович (1881—1971) — верховный главнокомандующий русской армией во Временном правительстве. После революции 1917 г. сначала бежал в Финляндию, затем в Париж. В начале 1920-х гг. эпизодически бывал в Праге.

¹⁰ Очевидно, подразумевается деятельность *Михаила Владимировича Родзянко* (1859—1924) в возглавляемой *Михаилом Васильевичем Челноковым* (1863—1935) антибольшевистской организации «Русский отдел Общества славянской взаимности» в Сербии.

¹¹ Букв. — золото империи, золото Рейха (нем.).

¹² Литературно-художественный, ежемесячный журнал «Жар-Птица» (1921—1926), печатался в Берлине (ред.-изд. А. Э. Коган), а редактировался как в Берлине, так и в Париже (лит. ред. А. Черный; худ. ред. Г. К. Лукомский). Журнал в основном специализировался на вопросах современного европейского искусства и уделял большое внимание качественному воспроизведению репродукций. В отношении литературы создатели «Жар-Птицы» не придерживались каких-либо определенных направлений, помещая произведения Н. А. Тэффи, К. Бальмонта, В. Сирина (В. Набокова), А. Ремизова и др.

¹³ Тайно выехав из Петрограда 24 декабря 1919 г., Мережковские и Философов обосновались в Варшаве, где, объединившись с Б. В. Савинковым и при поддержке Й. Пилсудского, пытались организовать военную оппозицию советской России. После того как Польша 11 октября 1920 г. заключила перемирие с Россией, Мережковские, разочарованные ее политикой и поведением Савинкова, который отказывался посвящать их в конспиративную работу, покинули Варшаву 20 октября 1920 г. Остановившись в Висбадене, они в течение трех месяцев безуспешно ожидали присоединения Философова. По мнению З. Н. Гиппиус, назначением Философова председателем РПЭК Савинков разрушил многолетний триумvirат «Мережковские—Философов». Подробнее см.: *Лахмусс Т. А.* Борис Савинков в жизни Зинаиды Гиппиус // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 109.

¹⁴ Речь идет о книге «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1922; вышла в 1921 г.), куда были включены воспоминания Д. В. Философова «Наш побег» (С. 157—176). Состав сборника см.: *Колеров М.* Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887—1947. М., 2000. С. 91.

¹⁵ Прозанческие произведения А. А. Деренталя выходили в сборниках «Рассказы» (Варшава, 1921), «В наши дни» (Прага, 1922), а также «Сингапурская красавица» (Берлин, 1923). В берлинском издательстве «Грани» сборник рассказов Деренталя не публиковался.